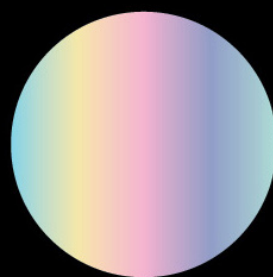

ИЭН М. БЭНКС

ТРАНЗИЦИЯ

ОСНОВАНО НА НЕРЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

FANZON

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Иэн Бэнкс
Транзиция

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Бэнкс И. М.

Транзиция / И. М. Бэнкс — «Эксмо», 2009 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-195007-1

Тэмуджин О, Эдриан Каббиш и Философ – транзиторы всемогущей теневой организации «Надзор», перемещающиеся между параллельными реальностями и вмешивающиеся в события, увеличивая влияние организации на мир. Миссис Малверхилл и Пациент 8262 – бывшие транзиторы, которые сомневаются как в самом «Надзоре», так и в правильности его действий. Их противостояние протекает в мире, застывшем между падением Берлинской стены и финансовым кризисом 2008 года. Такому миру нужна помощь. Но должна ли это быть помощь «Надзора»?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-195007-1

© Бэнкс И. М., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
1	12
2	21
3	30
4	38
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Иэн М. Бэнкс

Транзиция

Аластеру и Эмили, а также в память о Бек.

Благодарю Адель, Мика, Ричарда, Леса, Гэри и Зоуи.

Основано на нереальных событиях.

Iain M. Banks

TRANSITION

Copyright © 2009 Iain Banks

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

**Школа перевода
В. Баканова**

Перевод *Лидии Галушкиной*

© Л. Галушкина, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками. Впрочем, если вы верите на слово каждому встречному – ваши проблемы.

То, что вы читаете эти строки, само по себе поразительно и абсолютно беспрецедентно.

Видели когда-нибудь сейсмограф? Ну, такую мудреную, чувствительную штукуну с похожим на паучью лапку пером, которое фиксирует подземные толчки, вычерчивая линию на движущейся ленте? Теперь представьте, как это перо безмятежно скользит по бумаге, проводя ничем не примечательную прямую, означающую тишь и покой как у вас под ногами, так и на всей планете, – и вдруг из-под острия появляются слова, а бумажная лента начинает метаться туда-сюда, чтобы поспеть за каллиграфическими вензелями. Пусть, скажем, перо выводит текст: «Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками...»

Вот какова была вероятность того, что я напишу эти строки, а кто-нибудь их прочитает! И я не преувеличиваю.

Время, место. Без этих уточнений, пожалуй, не обойтись, хотя в моих обстоятельствах они несущественны. Тем не менее нам нужна отправная точка – где и когда, – так что давайте начнем с миссис Малверхилл и нашей первой встречи на заре золотой эпохи, которую тогда еще никто не осознавал. Я имею в виду десятилетие с хвостиком между двумя падениями: Берлинской стены и башен-близнецов.

Если совсем уж точно, эти двенадцать лет, которые я сейчас назвал бы благословенными, начались прохладной, бурной ночью 9 ноября 1989 года в центре Европы, а закончились ясным утром 11 сентября 2001-го на Восточном побережье Америки. Первое событие возвестило, что угроза глобальной ядерной катастрофы, висевшая над человечеством без малого сорок лет, рассеялась и эпохе всеобщего идиотизма пришел конец. Впрочем, ненадолго: второе повлекло за собой новую эру безумия.

Падение Стены зрелищным не было. Стояла ночь, а по телевизору показывали, как толпа берлинцев в кожаных куртках, по большей части с молотками, без особого успеха атакует армированный бетон. Никто не погиб. Зато многие, несомненно, напились, обдолбались и переспали друг с другом.

Да и сама Стена трепета не внушала; высокой ее не назовешь, неприступной – тоже. Главным препятствием была пограничная зона между бетонными ограждениями: песчаное минное поле, гиблое царство сторожевых псов и колючей проволоки. Вертикальный же барьер играл скорее символическую роль, служа просто разделительной чертой. И не важно, что никто из ликующих вандалов, рвавшихся к Стене, не мог существенно ей навредить без тяжелой техники; главное – люди преодолели этот символ раздора, преграду, якобы защищавшую от внешнего мира, и их не расстреляли на месте.

Так или иначе, сложно себе представить лучшую аллгорию пробудившейся надежды, оптимизма и рывка навстречу переменам. Что касается теракта, устроенного «Аль-Каидой» на территории США (а поскольку он стал поводом для военного вторжения и оккупации другого государства, причем во имя демократических ценностей, давайте выразимся в национал-демократическом ключе: теракт, устроенный на территории США Саудовской Аравией), – вряд ли найдется событие, по духу более контрастное.

Между этими двумя грандиозными столпами гамаком растянулись годы, которые человечество провело в счастливой дреме.

Примерно на экваторе этих томных времен мы с миссис М. потеряли друг друга из виду. Затем встретились вновь и уже в последний раз расстались, незадолго до третьего великого

Падения – падения Уолл-стрит и Сити, банковского и финансового краха, начавшегося 15 сентября 2008 года.

Находить такие закономерности в книгах наших жизней весьма увлекательно, не правда ли?

Впрочем, подобная конгруэнтность¹, пусть и полезная для фиксации наших личных судеб в пределах общего исторического процесса, по существу, бессмысленна. За время, которое мне довелось пробыть здесь после моего собственного скромного падения, я убедился, что значимость тех или иных вещей, как правило, определяем мы сами. Мы находим смысл даже в бессвязной цепочке событий, при этом отмахиваясь от самой очевидной взаимосвязи между отдельными аспектами нашей жизни, если взаимосвязь эта противоречит особенно дорогому, тщательно взлелеянному нами предрассудку или дарующим надежду убеждениям. Кажется, об этом мне поведала миссис Малверхилл. Или мадам д'Ортолан – я иногда их путаю.

Я немного забегаю вперед, поэтому, в свете вышеизложенного, предлагаю не бороться с этим эффектом, а насладиться им сполна.

Пусть мы только начали, вам уже, наверное, любопытно, как моя роль в данной истории закончится.

Сейчас расскажу.

Заканчивается все вот как: ко мне в палату заходит человек. Одет в черное, на руках – перчатки. Вокруг темно, горят только дежурные лампы в коридоре, однако мужчина меня видит. Я лежу на больничной койке, подголовная секция приподнята; пара трубок и проводки соединяют мое тело с медицинскими приборами. Человека в черном это не волнует: медбрат, который мог бы услышать сигнал тревоги, валяется в конце коридора связанный и с заклеенным ртом; его монитор выключен.

Мужчина закрывает дверь, и в комнате становится еще темнее. Он тихонько, на цыпочках подбирается к изголовью кровати, чтобы меня не разбудить, хотя врачи дали мне успокоительное – слегка одурманили, чтобы лучше спалось. Незнакомец оглядывает койку, даже в полумраке подмечая, что одеяло и простыни плотно подоткнуты, а я туго спеленут, будто в коконе.

Убедившись, что я неподвижен, мужчина берет свободную подушку, осторожно опускает мне на лицо, а затем резко наваливается сверху, давя ладонями на подушку и локтями прижимая мои руки к койке. Он переносит вес почти целиком на верхнюю часть тела; в пол теперь упираются лишь носки его ботинок.

В первые секунды я не сопротивляюсь. А когда начинаю, незнакомец только ухмыляется. Мои слабые попытки высвободить руки или отбрыкаться ни к чему не приводят. Даже здоровый, сильный парень, будь он накрепко замотан в простыни, вряд ли сбросил бы с себя такую тяжесть.

Последним, отчаянным рывком я пытаюсь выгнуть спину. Человек в черном легко меня умиряет. Спустя мгновение-другое я падаю без сил и больше не шевелюсь.

Мой противник далеко не глуп – понимает, что я могу притворяться мертвым.

Идут минуты, а он – неподвижный, как и я, – лежит сверху, время от времени сверяясь с наручными часами, дабы убедиться, что мне конец.

Надеюсь, вы довольны. Не успел я начать, а вы уже знаете финал! А теперь давайте приступим. Перво-наперво – к тем событиям, которые в некотором смысле еще не случились.

¹ Конгруэнтность (в широком смысле) – равенство, адекватность друг другу различных экземпляров чего-либо или согласованность элементов системы между собой. (Здесь и далее – прим. пер.)

Все начинается в поезде, бегущем по самой высокогорной в мире железной дороге из Китая в Тибет. Все начинается с мужчины в дешевом деловом костюме коричневого цвета, нетвердой походкой переходящего из вагона в вагон. В одной руке у него небольшой баллон с кислородом, в другой – автоматический пистолет. Под ногами – подрагивающая металлическая площадка. Гофрированный рукав между вагонами со свистом сжимается и разжимается, словно огромный двойник ребристой трубки, соединяющей кислородный баллон с прозрачной маской у мужчины на лице. Под маской блуждает нервная улыбка.

Поезд с грохотом вздрагивает, и от резкого толчка мужчину швыряет на ребра «гармошки». Похоже, вечная мерзлота в этих краях не такая уж вечная: поговаривают, что с грунтом здесь имеются проблемы.

Вагоны перестают крениться и теперь идут плавнее. Мужчина восстанавливает равновесие; зажав кислородный баллон под мышкой, он свободной рукой поправляет галстук.

Пистолет К54, произведенный еще во времена Вьетнамской войны, с годами стал гладким, отполированным. Стрелять из такого ему прежде не доводилось, но, по слухам, оружие надежное. Глушитель, правда, незатейливый, похож на самодельный. Впрочем, сойдет.

Мужчина в коричневом костюме взводит курок, а свободную руку заносит над кодовой панелью, расположенной на двери в частный вагон. На экранчике лениво мигает красный огонек.

Поезд подъезжает к наиболее возвышенному отрезку маршрута – перевалу Танг-Ла; до Лхасы он доберется только к вечеру. Здесь, на высоте в пять с лишним километров, воздух холодный и разреженный. Пассажиры по большей части сидят на местах, не снимая кислородных масок. Снаружи вот уже около часа тянутся гребни и волны Тибетского нагорья. Эта симфония в желтовато-серых и бурых тонах, местами приправленная июньской зеленью, – предвестница крижистых гор, чьи грозные парапеты уже виднеются вдалеке.

Начальник охраны поезда запросил за код доступа кругленькую сумму. Лишь бы не обманул. Рука быстро набирает цифры.

Красный огонек перестает мигать и сменяется зеленым. Мужчина нервно сглатывает.

Стучат колеса; дверная ручка под пальцами кажется ледяной.

А еще все начинается с нашего приятеля Эдриана Каббиша – судя по голосу, внешности и манерам, молодого, а на деле повидавшего многое. Одним лондонским утром – ладно, уточню: в разгар лета 2007-го – он просыпается у себя дома в Мейфэре, как и множество раз до этого. Спальня занимает значительную часть мансарды. Редкий дождик постукивает по окнам, обращенным под углом в сорок пять градусов к сероватому небу.

Если бы Эдриану понадобилась эмблема, ею стало бы зеркало. Вот что он говорит себе по утрам, стоя в ванной комнате, перед тем как отправиться на работу (а иногда и в выходные, когда на работу идти не надо, – просто так, забавы ради):

– Рынок – это Бог, и нет иного Бога, кроме Рынка.

Здесь Эдриан делает паузу и улыбается своему заспанному отражению. На него смотрит молодой мужчина-европеид, худощавый, но мускулистый. Загорелый, черноволосый, с серо-зелеными глазами и широким ртом, по обыкновению, растянутым в плутоватой усмешке. У Эдриана однажды была сексуальная партнерша гораздо старше его; она назвала его губы «чувственными», и он, немного подумав, решил, что это круто. Девушки помладше, скорее, назвали бы его рот симпатичным, если вообще сочли бы нужным заострять на нем внимание.

За ночь у Эдриана проклюнулась щетина. Временами он отращивает недельную бородку, а затем сбрасывает; ему идет по-всякому. Без ложной скромности, внешность у него модельная. Он выглядит ровно так, как мечтал бы выглядеть. Разве что роста немного добавил бы.

Эдриан прокашливается и сплевывает в одну из двух стеклянных раковин. Обнаженный, проводит пальцами по темным завиткам лобковых волос.

– Во имя Капитала, милостивого и мудрейшего, – произносит он и с довольной ухмылкой подмигивает своему отражению.

Кроме того, все начинается в малоэтажном офисном здании в Глендейле – пригороде Лос-Анджелеса. Жалюзи нарезают послеполуденный свет на узкие полосы, которые ложатся на ковровую плитку, стулья, людей в костюмах и стол для переговоров; фоном глухо рокочет автострада. Майк Эстерос начинает свою презентацию:

– Господа и вы, милая дама... я представлю вашему вниманию не просто питч. Нет, не поймите неправильно, это, конечно, питч, но в то же время – важная часть фильма, который, я надеюсь, вы поможете мне снять.

Сейчас я расскажу вам, как найти космических пришельцев. Без шуток. Выслушав меня, вы убедитесь, что это возможно. Вероятно, у вас даже возникнет желание поймать инопланетянина. Так или иначе, в наших силах снять фильм, который захватит умы целого поколения, – не хуже «Ближних контактов» или «Титаника». Спасибо, что согласились уделить мне несколько минут; обещаю – вы не пожалеете.

Скажите, кто-нибудь из вас наблюдал полное затмение? Это когда Солнца совсем не видно за Луной, а пробиваются лишь отдельные пучки и завитки света... Вы, сэр? Впечатляющая картина, не так ли?.. Точно, поразительная. А для кого-то даже судьбоносная. Некоторые начинают охоту за затмениями – срываются в любой уголок мира, чтобы раз за разом наблюдать этот уникальный и таинственный феномен.

Давайте поговорим о затмениях. Даже если мы сами их не видели, есть множество снимков в журналах, телерепортажей, роликов на «Ютьюбе». Мы уже почти равнодушны к таким вещам. Затмения заняли свое место в череде обычных природных явлений, как смена погоды или землетрясения, только совсем не разрушительные, ничем не угрожающие людям.

А сейчас вдумайтесь: какое невероятное совпадение, что наша Луна идеально, тюtelька в тюtelьку перекрывает Солнце! Если спросите астрономов, они вам скажут, что Луна по отношению к Земле гораздо крупнее, чем любой другой спутник по отношению к своей планете. Возьмем, к примеру, Юпитер, Сатурн и так далее – их спутники в сравнении с ними ничтожно малы. А земная Луна огромна и находится к нам очень близко. Будь Луна меньше или дальше расположена, мы наблюдали бы лишь частичные затмения, а будь она крупнее или ближе, то скрыла бы Солнце совсем, и во время полного затмения мы не видели бы солнечную корону. Это потрясающее совпадение, невероятная удача! Насколько известно, подобные затмения уникальны. Возможно, такое явление имеет место только на Земле. Запомните этот факт – мы скоро к нему вернемся.

Теперь предположим, что пришельцы существуют. Пусть не такие милые и одинокие, как в фильме «Инопланетянин», и не настолько свирепые, как в «Дне независимости». Просто обычные, усредненные жители других планет. Как считаете? Если задуматься, это вполне вероятно. Мы же с вами существуем, хотя Земля – всего лишь планетка, которая вращается вокруг среднего размера звезды в одной из множества галактик. В нашей галактике еще четверть миллиарда солнц, а во Вселенной – четверть миллиарда галактик, если не больше. Уже открыты сотни разных планет в других звездных системах, а ведь поиски только начаты! Ученые утверждают, что почти вокруг каждой звезды вращаются планеты. На скольких из них таится жизнь? Земле не один миллиард лет, однако Вселенная еще древнее. Кто знает, сколько цивилизаций существовало, когда Земли не было и в помине или когда человечество только зарождалось? А сколько их сейчас?

Итак, если развитые пришельцы не выдумка, они, вероятно, способны на межзвездные перелеты. Скорее всего, их источники энергии и технологии настолько для нас непостижимы, насколько сверхзвуковые самолеты, атомные подлодки и космические шаттлы непостижимы для племен Амазонии, плавающих на долбленых каноэ. Раз уж инопланетяне достаточно пыт-

ливы, чтобы заниматься наукой и техникой, их интерес наверняка распространяется и на путешествия по Вселенной.

В наши дни самолеты в основном перевозят туристов. А уже потом – тех, кто летает по работе. Неужели умные, любознательные пришельцы в этом от нас отличаются? Не думаю. Большинство из них тоже, должно быть, туристы. Подобно нам, они любят круизы. Как повашему, захотят они побывать на планете вроде Земли, на которую еще не ступала нога – а может, щупальце? – пришельца? Или предпочтут путешествие в виртуальной реальности?

Что ж, кого-то устроит и второе. Возможно, таких большинство. Однако самые знатные кутилы и богачи, инопланетная элита – эти выберут настоящие впечатления. Ради чего? Похвастаться перед другими, что посетили все экзотические места межгалактического тура! Кто знает, какие красоты владеют их умами? Что для них Большой каньон, Венеция, Великая Китайская стена, Йосемитский парк, египетские пирамиды?

Вот что я думаю. Помимо других чудес, пришельцев должно привлечь драгоценное явление, которое, возможно, есть только на Земле. Они захотят посмотреть на наше затмение. Своими глазами взглянуть на космос сквозь земную атмосферу, полюбоваться, как ровно Луна перекрывает Солнце, увидеть, как мир погружается в сумерки, услышать, как замолкают звери и птицы, и собственной кожей ощутить внезапную прохладу. Даже если наша атмосфера для них губительна, даже если им понадобятся скафандры, они пожелают находиться в центре событий, в условиях, максимально близких к реальным. Они захотят побывать на Земле, среди нас, когда ляжет тень.

Тогда-то и надо искать инопланетян! Во время полного затмения! Пока все вокруг благоговейно смотрят в небо, советую вам хорошенько оглядеться. Ищите странных, неуместно одетых людей. А может, тех, кто безвылазно сидит в своих фургонах или на яхтах с тонированными стеклами.

Если пришельцы и существуют, они будут именно там, причем такие же отрешенные и уязвимые, как зачарованные видом земляне.

На этой идее и основан фильм, который я хочу снять. Увлекательный, забавный, печальный, глубокий, а прежде всего – жизнеутверждающий. В нем есть две сильные главные роли: отца и сына, а еще шедевральная женская роль второго плана. Возможны и другие характерные роли, а также множество второстепенных.

Такова задумка. Теперь о сюжете...

Помимо этого, все начинается в совершенно другом месте... Например, как-то так:

В Асферже, городе платанов и бельведеров, сейчас разгар лета; утро стоит ясное, и Туманный купол, царственно парящий над Университетом практических навыков, сверкает в рассветных лучах, словно колоссальный золотой мозг. А ниже, на крыше философского факультета, зеленеет парк, где меж статуй и каналов в сопровождении свиты прогуливается леди Бисквитин...

А еще все начинается с не приметного мужчины, сутулого и худощавого, который входит в маленькую комнатку огромного здания. В руках у него всего-то лист бумаги да половинка фрукта, однако навстречу раздается крик. Мужчина бросает равнодушный взгляд на единственного человека в помещении и запирает за собой дверь. Вопли не смолкают.

И наконец, все начинается здесь и сейчас, за этим самым столиком на веранде рестораника в парижском квартале Маре. Некий мужчина достает из маленькой, искусно украшенной коробочки крошечную белую таблетку и добавляет ее в свой эспрессо. Мужчина осматривается, пробегая взглядом по дороге с автомобилями и пешеходам – одни спешат, другие неторопливо прогуливаются, – подмечает вызывающе красивого официанта-алжирца, который флиртует с парочкой смущенных американских туристок, и ненадолго задерживает внимание на пожилой парижанке с изысканной укладкой и макияжем, поднявшей над столом свою кро-

хотную собачку, чтобы та полакомилась остатками круассана. Затем мужчина опускает в чашку щербатый кусочек тростникового сахара и нарочито обстоятельно начинает помешивать кофе. Коробочка из золоченой бронзы тайком возвращается во внутренний карман пиджака.

Мужчина кладет под сахарницу банкноту в пять евро, убирает бумажник, а затем в два жадных глотка выпивает эспresso. После этого откидывается на спинку стула, все еще сжимая изящную чашку в одной руке и безвольно свесив другую. Как будто чего-то ждет.

Стоит начало осени 2008 года нашей эры; полуденный воздух чистый и теплый, небо – белесое, пастельное. С минуты на минуту все изменится.

1

Пациент 8262

На мой взгляд, я поступил весьма умно, сделав все возможное, чтобы в итоге попасть сюда. Впрочем, не я один склонен считать свои поступки разумными, не так ли? К тому же в прошлом эта уверенность в собственной дальновидности слишком уж часто предваряла горькое осознание, что дальновидности мне все-таки не хватило. Что ж, посмотрим...

У меня удобная койка, врачи и сиделки относятся ко мне неплохо – с профессиональным холодком, который конкретно в моем случае куда предпочтительнее чрезмерного внимания. Кормят приемлемо.

Здесь, в палате, у меня уйма времени для размышлений. Возможно, именно размышления даются мне лучше всего. Как и другим людям. Человечеству как виду. Это наш конек, наша сверхспособность; это возвышает нас над стадом. Во всяком случае, мы любим так думать.

Как же приятно, когда о тебе заботятся, ничего не требуя взамен! Какая невиданная роскошь – спокойно предаваться мыслям, когда никто не мешает!

Я лежу совершенно один в маленькой квадратной комнатке с белеными стенами, высоким потолком и большими окнами. Койка у меня старенькая, со стальным каркасом, регулируемым вручную подголовником и складными боковыми поручнями, защищающими пациента от падения. Чистейшие простыни сияют белизной, подушки слегка комковатые, зато отлично взбиты. На полу – глянцеви́тый бледно-зеленый линолеум. Видавшая виды прикроватная тумбочка да простенький стул с черным металлическим каркасом и сиденьем из потертого красного пластика – вот и вся мебель. Над единственной дверью, ведущей в коридор, – окошко в форме веера.

За высокими, от пола до потолка, окнами виднеется декоративный балкончик с железной решеткой. Между прутьев можно разглядеть лишь полосу газона и рядок деревьев, а за ними – мелкую речку, которая блестит на солнце, когда свет падает под нужным углом. Сейчас листопад, поэтому реку видно лучше. Я различаю лес на дальнем берегу.

Моя палата на втором – верхнем – этаже клиники. Однажды я видел, как по реке проплывает лодка с двумя-тремя пассажирами; порой за окном порхают птицы. Как-то раз высоко в небе пролетел самолет, оставив длинный белый след, похожий на кильватер. На моих глазах он медленно расползлся, кучерявился и краснел от закатных лучей.

Думаю, в клинике мне ничто не угрожает. Здесь меня искать не догадаются. Во всяком случае, я на это надеюсь. Я рассматривал и другие убежища: юрту, затерянную в бескрайней степи, где с тобой лишь большая семья да ветер; многолюдные и смрадные фавелы на крутом холме, пропахшие всеми сортами пота, звенящие от ругани, плача младенцев и нестройной музыки; палатку среди величественных развалин монастыря на Кикладах², где я прослыл бы эксцентричным отшельником; туннели Манхэттена – приют скитальцев с тяжелой судьбой...

Есть много, очень много мест – и потаенных, и у всех на виду, – где меня никогда не стали бы искать, однако преследователи хорошо меня изучили, а значит, могут догадаться, куда я направлюсь, даже раньше, чем я сам. К тому же вписаться в окружение, вжиться в роль довольно непросто. Этническая принадлежность, физиогномика, цвет кожи, язык, навыки – нельзя упустить ни единой детали.

Мы, люди, привыкли друг друга классифицировать. Этих – сюда, тех – туда; даже в огромных городах, по праву именуемых «плавильными котлами», мы сбиваемся в группы по анклавам и кварталам, где живем в комфорте среди тех, чьи традиции и культура нам близки. Порой наша чувственная природа, генетически заложенная тяга к странствиям и эксперимен-

² Киклады, Кикладские острова – архипелаг в южной части Эгейского моря, входит в состав Греции.

там, жажда экзотики или хотя бы простого разнообразия приводят к неожиданным связям и смешанному потомству, но в конечном итоге стремление все ранжировать и вешать ярлыки неизменно возвращает нас к базовым настройкам. Поэтому спрятаться так сложно. Я, светлокожий мужчина европеоидной расы – по крайней мере, на вид, – не стану скрываться там, где буду бросаться в глаза.

Дальнобойщик. Вот прекрасная маскировка. Колесишь себе на фуре по Среднему Западу США, по канадским, аргентинским или бразильским равнинам, ведешь автопоезд с прицепами по пустыням Австралии... Прячешься в постоянном движении, почти не контактируя с людьми. Еще вариант – стать матросом или коком на контейнеровозе, что бороздит морские просторы с небольшим экипажем на борту, ежедневно курсируя между огромными, автоматизированными, почти безлюдными терминалами вдали от городских центров. Разве отыщешь человека, чья жизнь настолько далека от оседлой?

Тем не менее я здесь. Выбор сделан; иного у меня теперь нет. Нужно смириться. Я заранее наметил маршрут, придумал способ, нашел средства и людей, которые помогли мне стать невидимым и безвестным. Прикинул, как поступят мои преследователи и как их перехитрить, и, наконец, когда план был продуман до мелочей, – воплотил его в жизнь.

И вот я здесь, лежу и размышляю.

Транзитор

Другие рассказывали, что с ними это случается в один миг, в промежуток между ударами сердца или даже во время самого удара. Всегда есть внешний признак: легкая дрожь или озноб, ощутимая судорога, порой – встряска, словно от электрического разряда. Как поведал один мой знакомый, сперва ему кажется, что краем глаза он видит нечто неожиданное или опасное, затем резко поворачивает голову и чувствует болезненный укол в шею, как будто по ней пробегает ток. В моем случае все происходит чуточку несуразнее: я чихаю.

Вот и сейчас чихнул.

Могу только догадываться, как долго я просидел на веранде того маленького кафе в третьем округе Парижа, дожидаясь, когда подействует препарат, и погрузившись в сон наяву – необходимый этап перед тем, как отправиться в желаемое место. Несколько секунд? Пять минут? Надеюсь, я оплатил счет. Вообще-то это не моя забота – я не он, да и он все равно никуда не денется, – однако я беспокоюсь.

Придвинувшись к столику, я внимательно его рассматриваю. На небольшом пластмассовом подносе – чек и горка монет. Сдача. Франки, сантимы. Не евро. Что ж, пока все в порядке.

Я чувствую острое желание передвинуть предметы на столике. Сахарница должна стоять строго по центру, а чашка из-под эспрессо – на линии между сахарницей и мной, ровно посередине. Лоток со сдачей справа от сахарницы я не трогаю: он прекрасно уравнивает подставку со специями слева. Только сейчас, составляя из предметов эту приятную композицию, я обращаю внимание, что запястье и тыльная сторона ладони, торчащие из рукава моего пиджака, – темно-коричневые. А еще подмечаю, что соорудил на столике некое подобие креста. Я озираюсь по сторонам, разглядывая модели машин и трамваев, одежду пешеходов. Как я и думал, я в иудейско-исламской реальности – надеюсь, в той, что нужно. Я мигом перестраиваю предметы на столе в символ, который там, откуда я прибыл, назвали бы «пацификом». С облегчением вздохнув, откидываюсь на спинку стула. Вряд ли меня примут за христианского террориста, но осторожность не повредит.

А вдруг я все-таки похож на террориста? Я роюсь в нагрудной сумке – подобно большинству людей вокруг, одет я в шальвар-камиз³ без единого кармана – и достаю предмет, который

³ *Шальвар-камиз* – традиционный костюм родом из Южной Азии. Состоит из брюк (шальваров, или шаровар) и длинной рубахи.

еще несколько секунд/минут назад был моим айподом. Теперь это портсигар из нержавеющей стали. Притворяясь, будто раздумываю, не закурить ли сигаретку, я изучаю свое отражение в полированной крышке.

Вновь облегчение: на христианского террориста я не похож. Выгляжу так, как обычно выгляжу с таким цветом кожи, а по большому счету – всегда, независимо от расы и типажа. Иными словами, благовидно и неприметно. Не урод, но и не красавец, что вполне приемлемо. Я смотрюсь заурядно. Заурядность мне только в плюс: она дарует безопасность, растворяет в толпе. Идеальная маскировка.

Так, надо свериться с часами. Нельзя об этом забывать. Я сверяюсь. Все в порядке.

Я не закуриваю. Не хочется. Очевидно, я не перенес эту привычку в новое воплощение. Я возвращаю портсигар в перекинутую через плечо сумку, заодно убедившись, что в отдельном, застегнутом на молнию внутреннем кармашке лежит коробочка-таблетница из золоченой бронзы. И вновь прилив радости! (Коробочка перемещается всегда, но каждый раз я беспокоюсь. Чего уж там, я постоянно на нервах. Во всяком случае, мне так кажется.)

Судя по удостоверению личности, меня зовут Аймен К'эндс. Что ж, имя вполне подходящее. Аймен – хай, мэн! Привет, рад познакомиться.

Теперь проверим языки. Французский, арабский, английский, хинди, португальский и латынь. По верхам – немецкий и современный монгольский. А вот китайского не знаю вовсе. Необычно.

Я опять откидываюсь на стуле, а ноги в объемистых шароварах располагаю ровно напротив перекрестья ножек, поддерживающих стол. Несмотря на равнодушие к сигаретам, я замечаю у себя – не в первый раз, между прочим, – признаки слабого обсессивно-компульсивного расстройства, которое, пожалуй, раздражает и отвлекает ничуть не меньше тяги к курению, пусть и не столь губительно для здоровья (впрочем, какое мне дело до чьего-то там здоровья?).

Надеюсь, степень ОКР у меня легкая. Хотя с чего я это взял? Возможно, отнюдь не легкая. (Ладони кажутся липкими, как будто их следует помыть.) Вероятно, у меня тяжелое ОКР. (В этом кафе еще многое можно почистить, передвинуть, выровнять.) Есть о чем беспокоиться. Похоже, я в принципе человек беспокойный. И это еще один повод для беспокойства.

Ну ладно, не целый же день тут сидеть! Я здесь не просто так: меня вызвали. И не кто-нибудь, а Сама. Головокружение, сопровождавшее транзицию, прошло; причин медлить нет. Нужно встать и идти, что я и делаю.

Эдриан

Обычно я всем говорю, что вырос на улицах Ист-Энда⁴. Помогал отцу торговать угрями. А мать работала в баре официанткой. Но все это враки, чушь собачья. Я просто говорю то, чего от меня ждут. Жизнь научила, знаете ли: людям нравятся байки. Говори то, что от тебя хотят услышать, – и добьешься многого. Конечно, нужно знать меру и разбираться в окружающих, однако... ну вы поняли.

Ясное дело: увидеть, чего от тебя ждут, и потом это озвучить может любой кретин. Вся смекалка, весь бонус – в том, чтобы угадать, что людям нужно, еще до того, как они сами поймут. Это реально ценится, а значит, окупается. Такая вот сфера услуг. А говорок у меня, между прочим, выходит шикарный. Крайне убедительный. Вы бы только слышали! Я про ист-эндский говорок, если что. И рассказы про уличную торговлю. Я охрененно кошу под «своего в доску», так и знайте. Едем дальше.

По правде говоря, я вырос на севере. В одном из угрюмых городков, где всё в саже, да и вообще мрак полный. Какой именно городок – не важно. Думаю, вы согласитесь, что все они

⁴ *Ист-Энд* – район в восточной части Лондона, исторически считающийся местом обитания иммигрантов и низшего класса. В этом смысле часто противопоставляется более фешенебельному Вест-Энду.

под одну гребенку, так что какая разница, назову я вам его или нет? Слишком много хотите! Делайте, как я: включайте фантазию.

В общем, мой отец был шахтером, прежде чем они стали исчезающим видом – спасибо Святой Маргарет (ну и, может быть, королю Артуру⁵; зависит от ваших взглядов). Мама работала в парикмахерской.

Я всерьез считаю Тэтчер святой, хотя в родном городишке называть ее так я бы поостерегся (еще один повод пореже туда ездить). Блин, ну кто в здравом уме захочет всю жизнь горбатиться под землей? Да никто! Старушка Тэтч всем сделала громадное одолжение. Дашь памятник Тэтчер на месте каждой шахты!

Ладно, проехали. Даже когда я был мелким, та история уже быльем поросла. Но только для меня. Другие трещали об этом постоянно, как будто всё случилось вчера.

Мы занимали половину двухквартирного дома, так что рядом, как вы догадываетесь, жила другая семья. Правда, нам не позволялось даже заикаться о ее существовании, ведь сосед – в прошлом один из ближайших отцовских приятелей – вступил в Демократический союз британских горняков (или как-то так) и был штрейкбрехером, что, по мнению моего старика, хуже убийства и растления малолетних. Лишь однажды отец чуть меня не ударил – когда застукал за разговором с соседскими близнецами.

В общем, не хотел я всю жизнь там торчать. Едва окончив школу, я рванул по автостраде в поисках большого и разгульного города: чем больше и разгульнее, тем лучше. Где-то на месяц задержался в Манчестере. Было любопытно, но я не остался и двинул южнее. По трассе М6 – напрямик в Лондон. Столичный шик, все дела. Только Лондон мне и подходил. Во всяком случае, по эту сторону Атлантики. Думаю, и Нью-Йорк сгодился бы, хотя благодаря таким ребятам, как я, Лондон стал куда круче Нью-Йорка.

Нет, я вроде как понимаю людей, которые выросли в большом городе и отказываются его покидать. Но зачем прозябать в деревне? Можно оставаться на месте из-за теплых чувств – потому что приятели рядом и так далее, – но только если ваш город по-настоящему крут и жизнь в нем бурлит. Иначе, согласитесь, как-то по-лузерски. Сидя дома, вместо того чтобы отправиться куда-нибудь, где ярко, интересно и куча возможностей, вы отдаете своему городку больше, чем получаете взамен. Чистый убыток, смекаете? Нет, если вам нравится «вносить ценный вклад в местное сообщество» или вроде того, – валяйте, хренов флаг вам в руки. Только не надо отрицать, что вас используют. Многие заливают про любовь к родине и преданность корням, но это же бред, ей-богу! Еще один способ заставить людей делать то, что им невыгодно. Преданность – для лохов.

Короче, перебрался я в солнечный Лондон. Именно солнечный – по сравнению с Манчестером и моим родным городком. В первый же день я купил себе темные очки. Да-да, купил, на кровно заработанные. Короче, в Лондоне было тепло и как-то по-курортному, что ли. Плюс полно девчонок и возможностей.

Я снял квартиру с приятелем из родного города, устроился барменом в Сохо, нашел себе подружку или даже двух. Я потихоньку обзаводился связями и учился быть полезным для определенных людей, которые ценят, когда у тебя хорошо подвешен язык, да и вообще все схвачено.

Как говорится, хочешь жить – умей вертеться. И выкручиваться тоже. А еще лучше – когда выкручиваться тебе помогают другие.

Позже я начал подгонять денежным мешкам мешочки иного толка. В Сохо полно артистичных натур, а люди творческие не прочь припудрить носик – если понимаете, о чем я. Креативщикам без этого никак. Во всяком случае, в те годы. В число креативщиков я в первую

⁵ Имеется в виду Артур Скаргилл – британский профсоюзный активист. Был президентом Национального союза шахтеров, в том числе и во время масштабных забастовок 1984–1985 гг., которые переросли в конфронтацию с консервативным правительством Маргарет Тэтчер. В итоге правительство одержало верх, многие шахты были закрыты, а тысячи шахтеров – уволены.

очередь включаю финансовых гениев со всеми их ультранавороченными Стратегиями и Проектами. У них есть средства, чтобы подсесть по-крупному.

Так что в каком-то смысле я пробивался наверх. Ну и вроде как двигался вперед. Вперед – это на восток, куда стекаются бабки. В восточные кварталы Сохо, а еще точнее – в Сити и Кэнари-Уорф, где гнездится много птах высокого полета. Как говорится, «следуй за деньгами»⁶. Вот я и последовал.

У меня с самого начала был план, как компенсировать отсутствие так называемого «высшего образования» и громкой фамилии (избежав при этом безвременного появления цифр после этой самой фамилии). Что обычно делают люди, занюхнув дорожку-другую? Правильно, начинают трепаться. Трещат без умолку. Самые напыщенные хвастаются, а такими были почти все, кому я толкал дурь.

Если постоянно напрягаешь мозг, делаешь деньги, просчитываешь риски, вкладываешь средства и так далее – ни о чем другом говорить не будешь, согласны? Еще бы! Этих парней распирает от тестостерона и собственной гениальности, так что, ясное дело, они болтают о своих планах, успешных сделках, заработанных деньгах, будущих аферах и прочих нюансах профессии.

А значит, человек, оказавшийся рядом, когда у них развязался язык (особенно тот, в ком они не видят ровню или конкурента и поэтому считают вполне безобидным; свой парень и к тому же безотказный поставщик их любимых расслабляющих веществ), может услышать много любопытного, смекаете? И если он еще притворится чуть более тупым и недалеким, чем по факту, а сам тем временем будет все подмечать и мотать на ус, то узнает много важного. Причем не просто важного, а прибыльного – при условии, конечно, что имеет подход к нужным людям и в нужное время подсовывает им нужные сведения.

Если вкратце – я просто был полезным. Говорю же, что работаю в сфере услуг. А когда уже знаешь несколько секретов, удивительным образом получаешь доступ и к другим. Люди охотно продают чужие тайны, не понимая, что при этом подставляют и себя, особенно если считают тебя союзником, недооценивают или все сразу. Потихоньку я оказался в положении, когда уже мог попросить небольшую услугу в обмен на услугу. Как выразились бы мои новые друзья, я применял финансовый рычаг, чтобы добыть полезный опыт, рекомендации, своего рода протекцию и некий рабочий капитал.

Еще какое-то время спустя я перешел из дилеров в трейдеры. Променил порошок на акции, а тому, что вдыхают из свернутой банкноты, предпочел банкноты как таковые. Чертовски мудрое решение, скажу я вам.

Нет, не подумайте. Наркотики – прекрасный бизнес, кто ж спорит. Прибыльный как в трудные времена, так и в безоблачные. Не зря же люди спускают столько бабок на дурь, не боясь даже тюрьмы?

Тем не менее, если пораскинуть мозгами, дилерство – работенка довольно отстойная. Все время осторожничаешь; часть прибыли уходит на то, чтобы умасливать ребят в форме. Доход, конечно, все равно огромный, но из-за этого бизнес притягивает крупных, опасных игроков. А если ты мертвый – на кой черт тебе деньги?

Раз уж ввязался в это дело – успевай выйти, пока еще целы яйца и не перерезано горло, и двигай дальше своей дорогой. Так сделает любой, у кого есть хоть капля мозгов. Используй это как трамплин и займись чем-то столь же прибыльным, но менее опасным. Так делают умные люди. Так поступил и я.

Поразительно, как многого можно достичь, если найти свое место и стать полезным для других.

⁶ Цитата из кинофильма «Вся президентская рать» (1976), основанного на документальной книге журналистов Боба Вудворда и Карла Бернштейна, которые в 1973 г. проводили журналистское расследование Уотергейтского скандала.

Мадам д'Ортолан

Мадам д'Ортолан сидела в оранжерее сама не своя. Ее обвинили в расизме! Да еще и человек, которого она не смогла сию же секунду наказать за дерзость. Подумать только – расистка! Здесь, у себя в особняке, она не так уж редко принимала темнокожих и евреев, хотя, само собой, внимательно следила, куда они садятся и к чему прикасаются, чтобы впоследствии всё было тщательно вымыто и продезинфицировано. Береженого бог бережет.

Но, разумеется, никакого расизма. Напротив, разве не она – в надлежащем кругу (сиречь строго ограниченном и крайне неболтливом) – рассказывала о своих так называемых «темных утехах» с участием чернокожих? Лучшим образчиком таких забав для нее был анальный секс с каким-нибудь неистовым нубийцем. Про себя она называла это «спуститься на Севр-Бабилон» – самую глубокую, мрачную и самую волнующе опасную из известных ей станций метро.

Расистка!.. Вы посмотрите, какая наглость!

Разговор прошел примерно так:

– *Oui?*⁷

– Теодора! Я рада, что удалось поймать тебя дома.

– Ах, это ты, миссис М.! Надеюсь, тебя мы тоже когда-нибудь поймаем.

Миссис Малверхилл предпочла сразу перейти на английский – верный знак, что разговор деловой, а не просто болтовня. Уже довольно давно они не созванивались ради светской беседы.

– Могу я полюбопытствовать, где ты?

– Разумеется, можешь, – любезно произнесла миссис Малверхилл, – однако не жди содержательного ответа.

Мадам д'Ортолан почувствовала себя уязвленной.

– Хватило бы простого «нет».

– Да, но я предпочитаю выражаться точнее. Как поживаешь?

– Прекрасно, если тебя это действительно волнует. А ты?

– Терпимо. И меня это правда по-своему волнует. Позволь рассказать, зачем тебе звоню.

– Хорошо. Сколько лет, сколько зим... Интересно, что случилось.

– Ходят слухи, будто ты планируешь раскол Совета.

– Это выше моих скромных сил, дорогая. Хотя, боюсь, раскол уже произошел.

– Если это так...

– Уж поверь.

– Если так, то во многом по твоей вине.

– Как я уже сказала, ты мне льстишь и сильно переоцениваешь мои возможности.

– Люди говорят другое.

– Члены Совета? И кто же?

Миссис Малверхилл промолчала. Во время паузы мадам д'Ортолан, которая вынесла домашний телефон в оранжерею – благо длина провода позволяла, – принялась накручивать шнур на средний палец.

Наконец из трубки послышался вздох.

– Какова же твоя позиция по этому вопросу?

– Позиция? – невинно переспросила мадам д'Ортолан.

– Что ты намерена делать? – голос миссис Малверхилл посуровел.

– Полагаю, проблема требует решения.

Повисла тишина, а затем:

– Надеюсь, что-то еще можно изменить? Не стоит рубить сплеча.

⁷ Да? (фр.)

– Ты правда так считаешь?

– Да.

– Тогда очень жаль, что нам не посчастливилось узнать твое мнение раньше – до того, как решение было принято.

– Теодора, – жестко сказала миссис Малверхилл, – не притворяйся, будто хоть раз прислушивалась к моим словам.

– Зачем же ты тогда звонишь, дорогая? Полагаю, ты на это отважилась лишь из надежды изменить принятое нами решение? Разве я не права?

Последовала пауза чуть короче, а затем:

– Я намеревалась воззвать к твоему прагматизму.

– А почему не к морали? Благонравию? Честности?

Миссис Малверхилл сухо рассмеялась.

– Может, хватит юлить, Теодора? Давай выложим карты на стол.

– Карты? Ах да! Мне нравится считать себя пиковой дамой.

– Еще бы. Судя по слухам, черная масть тебе по вкусу.

– А ты что за карта, как думаешь? Джокер?

– Мне все равно.

– Как насчет... двойки треф?

– Довольно ерничать, Теодора. Я прошу тебя пересмотреть решение.

– Ладно, пусть будет тройка.

Воцарилась тишина, которую мадам д'Ортолан охарактеризовала бы как «напряженную».

– Я совершенно серьезна, Теодора. – Такое впечатление, будто миссис Малверхилл процедила эту фразу сквозь стиснутые зубы.

– Говорят, борьба с невзгодами закаляет характер.

– Теодора! – Миссис Малверхилл повысила голос, однако сразу взяла себя в руки: – Теодора. Прошу тебя, не делай этого.

– Не делать чего?

– Не воплощай свой беспощадный раскольнический план, каким бы он ни был. Ты совершишь ошибку.

– Ради всего святого! – Мадам д'Ортолан начала терять терпение; она подалась вперед в плетеном кресле, отбросив телефонный шнур в сторону. – *Alors*⁸, дорогая моя, бесценная! Какая тебе разница, что будет с людьми, от которых ты и так уже отвернулась? С которыми борешься, выступая против Совета? Сдались они тебе? Кучка льстивых зубоскалов-полукровок да черная лесбиянка! – Тут ее осенило, и она расплылась в улыбке. – Разве что она тебя ублажает, наша сумеречная подружка, столь неприметная во тьме... С такой ночью проведешь – и не заметишь, да? Пока не улыбнется, конечно. Теперь все понятно про твои тайные вкусы... Ну что, я права?

Еще одна выразительная пауза, и вдруг:

– Ах ты старая расистка!

И сразу бросила трубку! Взяла и отключилась! Наглая дамочка, ничего не скажешь!

Мадам д'Ортолан сомневалась, что вышла из схватки победительницей. Почти всю беседу она чувствовала себя на коне, пока эта Малверхилл не бросила трубку. Такое не скоро забудешь. Вот змея! Еще и расисткой обозвала!.. Мадам д'Ортолан уже не в первый раз задумалась, что в этом отношении скрывала сама миссис Малверхилл, которая постоянно носила вуаль. Да, смахивало на дешевую театральщину, но, возможно, леди не хотела, чтобы случайный невыгодный ракурс заставил кого-нибудь усомниться в чистоте ее расы – ее человечности, если на то пошло. Все может быть...

⁸ Ну ладно (*фр.*).

Нет, ну как она посмела назвать ее расисткой? Намеренно, с желанием оскорбить! А что еще хуже – «старой»!

Сегодня мадам д'Ортолан предстояло встретиться с одиозным и, похоже, неубиваемым индивидом по фамилии О, или как там его сейчас звали. (Хорошо хотя бы, что встреча назначена выездная, и ей не придется терпеть его присутствие дома; этот О был ужасным неряхой.) Весьма своевременный шаг, раз уж до Малверхилл доползли слухи. Мадам д'Ортолан ухмыльнулась. «Раскол» Совета? Интересно, это большее или меньшее, что ей удалось вывести?

– Я тебе покажу раскол! – прошипела Мадам, ни к кому конкретно не обращаясь.

Она прогнала с коленей белого кота по кличке Месье Пампельмус и, привстав, разгладила кремовую юбку. Мадам д'Ортолан отдавала предпочтение той или иной кошке в зависимости от того, во что была одета. Облачись она в темно-серое или черное, места на хозяйских коленях удостоилась бы мадам Френой. А может, и нет. Недавно у кошки, которой стукнуло восемь лет, стали появляться белые шерстинки, на черной шкурке смотревшиеся особенно вопиюще. В зависимости от поведения, в ближайшие две недели мадам Френой грозили либо регулярные визиты в «Кошачий дом», где ей выдернут или перекрасят все белые волосы, либо усыпление.

Мадам д'Ортолан нравилось считать себя элегантной женщиной средних лет, хотя стороннего наблюдателя это натолкнуло бы на мысль, что прожить она собирается эдак до ста двадцати. Конечно, для таких, как она, подобные ожидания вполне оправданны, хотя истинное положение дел намного сложнее.

Мадам д'Ортолан воспользовалась интеркомом.

– Мистер Клейст, можно вас?

Через минуту или около того он явился собственной персоной: бледный, чуть сгорбленный джентльмен довольно неприглядного вида, несмотря на неплохо подогнанный, пусть и без изысков, серый костюм-тройку. На первый взгляд Клейст казался ровесником своей госпожи, однако тот же сторонний наблюдатель, желая прикинуть возраст леди и посмотрев на мужчину еще раз, сделал бы вывод, что помощник как минимум лет на десять ее моложе, просто выглядит потрепанно.

– Мадам. – Мистер Клейст приблизился, часто моргая в пронизанной солнцем оранжерее.

– Миссис Малверхилл, – сразу перешла она к делу, – скоро начнет узнавать о моих планах еще раньше, чем я сама!

Мистер Клейст вздохнул.

– Мы продолжаем ее разыскивать, мэм. Как и ее осведомителей.

– Не сомневаюсь. В любом случае, нам пора действовать.

Мадам д'Ортолан взглянула на помощника, который старался хотя бы немного приоткрыть слезящиеся от яркого света глаза. Сумрак ему роднее, подумала она.

– Сегодня я увижусь с мистером О, – предупредила мадам д'Ортолан. – В последний раз. Таково мое решение. Поэтому нам нужно загрузить его работой под завязку. Понимаете, к чему я веду?

– Конечно, мэм.

– Как только он сойдет с дистанции, мы, разумеется, устроим, чтобы его дело продолжили другие.

– Я доработаю распоряжения.

– У вас десять минут, потом мне надо выезжать.

– Все будет готово, мэм.

– Спасибо, мистер Клейст, – улыбнулась она. – Можете идти.

Когда помощник удался, мадам д'Ортолан еще какое-то время сидела на месте, глядя в пространство и безотчетно постукивая длинными розовыми ногтями друг о дружку. Внезапно Месье Пампельмус снова вспрыгнул ей на колени. Шикнув на кота, она сбросила его на пол.

Мадам д'Ортолан велела подавать машину, привела себя в порядок в будуаре на первом этаже, затем забрала у расторопного мистера Клейста инструкции для одиозного мистера О и вышла в вестибюль, где позволила одному из лакеев-египтян – второму по красоте – накинуть ей на плечи жакет. После чего села в автомобиль и сказала Кристофу ехать в кафе «Атлантик».

Машина вильнула по усыпанной гравием дорожке, дугой огибавшей величественный особняк, и умчалась в направлении бульвара Осман, а черные кованые ворота тихо закрылись позади.

2

Пациент 8262

Удивительно, сколько всего можно заметить, даже лежа с закрытыми глазами. К примеру, я знаю, какое сейчас время года, ясно или пасмурно, какие дежурят медсестры и санитары, кто из других пациентов заходил ко мне в палату, какой сегодня день недели, а еще – умер ли кто-нибудь из больных.

Это отнюдь не сложно, ничего сверхъестественного. Достаточно держать ухо востро и оттачивать восприятие ежедневной рутины. Цепкая память тоже помогает, как и разумная доля фантазии. Воображение необходимо не ради пустых домыслов – они только вредят, – а дабы находить правдоподобные объяснения тому, что подмечают органы чувств, и выстраивать гипотезы, проливающие свет на события.

Порой я лежу с закрытыми глазами дни напролет. Я притворяюсь спящим – и действительно сплю дольше, чем обычно, – заодно позволяя прочим чувствам, помимо зрения, дорисовывать окружающую картинку. Я слышу, как шумит ветер и барабанит в стекло дождь, как щебечут птицы; по малейшему сквозняку и отчетливости звуков со двора понимаю, что окно открыто, даже если пропустил скрип, с которым оно распахивалось. Я улавливаю ароматы, долетающие снаружи, а по ветерку сразу определяю, лето сейчас или необычно теплая интерлюдия посреди весны или осени. У каждой медсестры и каждого врача, которые ко мне заходят, свой характерный запах пота или парфюма, поэтому я знаю, кто находится в палате, даже не слыша голосов, хотя и голоса, конечно, различаю.

Время от времени ко мне забредают другие пациенты, которых я распознаю по больничному душку. Я недостаточно плотно с ними общаюсь, чтобы изучить каждого и составить надежный реестр, но некоторые все-таки выделяются среди прочих особым запахом или поведением: от одного мужчины всегда разит одеколоном, одна пожилая леди благоухает фиалками, а другая постоянно гладит меня по голове. (Когда происходит подобное, я подглядываю сквозь неплотно прикрытые веки.) Один низенький сухопарый человечек, почти не замолкая, насвистывает, а другой, более упитанный мужчина, всякий раз отрешенно барабанит пальцами по металлическому изножью моей койки.

Ритмы больничного дня, недели, месяца или года, довольно очевидные независимо от возможности смотреть, ночью никуда не деваются, хоть и становятся в разы тише. Днем нам регулярно приносят еду и лекарства (тележек с лекарствами здесь две – у одной скрипит колесико), врачи совершают обходы согласно расписанию, а уборщики соблюдают абсолютно предсказуемый график дежурств, затрагивающий все временные шкалы, – от ежедневного вытирания пыли до весенней генеральной уборки раз в год.

В общем, даже лежа на месте и намеренно отказавшись от самого информативного из чувств, я практически ничего не упускаю.

Нет, не подумайте – зрение у меня отличное. Я просто забавляюсь, переживая добровольное изгнание. Убиваю время, прежде чем вернуться в строй.

И уж поверьте, я обязательно вернусь.

Транзитор

Однажды я наблюдал, как она проводит ладонью над зажженной свечой, поглаживая желтое пламя: веер пальцев порхал в жарком воздухе, раскаленная сердцевина трепетала, но плоть оставалась нетронутой. Огонек отклонялся то влево, то вправо, подрагивал, выпуская к сумрачному потолку колечки сажистого дыма, а она продолжала медленно водить рукой над эфемерной слезинкой пламени.

– И все-таки для меня разум – это прежде всего концентрация, – произнесла она. – Представь себе увеличительное стекло, которое фокусирует лучи света в одной точке, пока не загорается огонь – пламя разума. Самосознание рождается путем сгущения реальности. – Она подняла на меня взгляд. – Понимаешь?

Я кивнул, хотя сомневался, что понял. Наркотики все еще действовали, и я отдавал себе отчет, что любая околесица, произнесенная в таких обстоятельствах, может показаться на редкость глубокомысленной. Я знал это и в то же время чувствовал: сейчас всё иначе.

– Нет разума в отрыве от контекста, – продолжила она, глядя на свою руку, проходящую над пламенем туда и обратно. – Как увеличительное стекло отбрасывает тень на область рядом с объектом фокусировки – расплавляется за концентрацию на чем-то конкретном, – так и мы забираем смысл из окружающего мира, чтобы сосредоточить его в нас самих, нашем разуме.

Однажды летом, еще подростком, я пешком отправился с друзьями в город. Деньги на автобус мы приберегли, чтобы добавить к карманным и потратить на игровые автоматы, бургеры и сладости. На окраине нам попалась тихая улочка с небольшими двориками перед каждым домом. Мы подошли к одному из участков, почти полностью вымощенному плиткой, с парочкой чахлах растений в разномастных горшках. Хозяин – толстый седовласый мужчина – храпел на шезлонге.

Мы с друзьями остановились поглядеть, изнывая от жары. Двое ребят стянули с себя футболки и теперь сверкали голым торсом, как и спящий дедок. У него на груди курчавились седые волосы. Кто-то шепнул, что старик напоминает выбросившегося на берег кита. Дворик был крошечным; чтобы уместить шезлонг, хозяину пришлось развернуть его по диагонали. Дедок лежал так близко, что мы улавливали запах кокосового масла на его коже, почти могли прикоснуться.

Мы стояли и глазели, как он спит, и тут кто-то сказал: «Вот бы сейчас водяной пистолет!»

Солнце обжигало нам спины. Я был самым высоким, и тень от моей головы падала на ступни старика. Я вспомнил, что ношу в кармане лупу. С ее помощью я частенько прожигал дырочки в листьях на образцовой клумбе моей мачехи.

– Глядите! – прошептал я, доставая лупу.

Я развернул ее так, чтобы солнечные лучи сфокусировались на груди у старика, затем слегка подвинул, и пятнышко света, пробежав по зарослям блестящих седых волосков, остановилось на сморщенном соске. Кто-то из ребят прыснул. Меня тоже разобрал хохот, отчего кругляшок света дрогнул, но я продолжал держать лупу, пока дедок не дернулся. По-моему, я даже увидел струйку дыма. Затем бедолага вскрикнул, распахнул глаза и рывком сел, изумленно схватившись за грудь. Мои приятели уже бежали прочь, захлебываясь смехом. Я припустил за ними. Вдогонку неслись проклятия старика. Еще несколько недель мы обходили ту улочку стороной.

Ей я про этот случай не рассказывал. Ни тогда, ни когда-либо еще.

– Полагаю... – пробормотал я, – мы сами даруем... или даже излучаем смысл. Наделяем сутью окружающие вещи. Включаем их в контекст. Конечно, они существуют и без нас...

– Уверен? – промурлыкала она.

– ...но мы даем им названия, видим закономерности и процессы, которые их объединяют. Вписываем их в среду. Мы делаем вещи реальнее, когда понимаем, что они выражают и значат.

– Гм-м... – Она чуть заметно пожала плечами, не отрывая взгляда от своей ладони, скользящей над пламенем. – Может, и так. – Похоже, она постепенно теряла интерес к разговору. – Но всему нужен некий толчок, катализатор. Всегда.

Медленно склонив голову набок, она так увлеченно засмотрелась на свои пальцы, что я осмелился ею полюбоваться.

Она сидела напротив, замотанная в мятую белую простыню. Ее волосы – водопад рыжевато-каштановых кудрей – деликатным нимбом обрамляли лицо с заостренным подбородком

и ниспадали на плечи, приоткрывая стройную шею. В ее карих глазах, издали почти черных, плясали отблески пламени, словно иллюстрируя ее идею о природе разума. Взгляд будто остекленел. В зрачках то отражался крохотный сполох, то пропадал, скрытый пальцами. Она неспешно, едва ли не томно, моргнула.

Мне вспомнилось, что наше зрение не статично; мы можем пристально что-то рассмотреть лишь потому, что наши глаза ежесекундно совершают множество крошечных безотчетных движений. Если привести глаза в полную, абсолютную неподвижность, предмет в поле зрения исчезнет.

– Я люблю вас, – услышал я собственный шепот.

– Что?!

Она вскинула взгляд. Ее пальцы застыли над пламенем.

– Ай! – вскрикнув, она отдернула руку.

Мадам д'Ортолан

В огромном, звенящем от эха главном зале кафе «Атлантик», где потолок теряется за пеленой застоялого дыма, колышимого исполинскими вентиляторами, рок-группа «Джупла» играет перед довольно равнодушной публикой, толпящейся между столиков, богато накрытых для всех, кто не прочь выпить, закусить и поиграть в азартные игры. Два круглых витражных окна, расположенные высоко во фронтонах, и шарообразные желтые лампы размером с батисферу⁹ едва разгоняют мрак над кутерьмой внизу, где по проходам снуют потные человечки-сэндвичи с рекламными щитами.

Певица – миловидная евразиечка – выступает в вибрато-чокере. Малых барабанов на сцене сразу два: один установлен как обычно, а другой подвешен прямо над ним, примерно на расстоянии полуметра. Когда заходит мадам д'Ортолан – шофер Кристоф по мере сил расчищает перед ней дорогу, – певица, стоящая на небольших подмостках у одной из длинных стен, берет особенно высокую, протяжную ноту, после чего нажимает на кнопку пульта у себя в кармане, переводя чокер в высокоскоростной режим. Батарейки запускают крошечный моторчик, соединенный с неуравновешенными грузиками внутри устройства, отчего чокер вибрирует на шее девушки в области голосовых связок, и она издает что-то вроде дробного завывания, которого без технических уловок не добиться. Палочки ударника бешено мелькают между верхним и нижним барабанами, создавая безумный перкуссионный аккомпанемент.

– Присаживайтесь, мадам, – говорит Кристоф, быстро протирая тряпкой стул в полукруглой нише практически напротив сцены.

Он заранее забронировал этот небольшой уютный столик, сделав звонок из машины. И хотя предыдущие гости еще спорят с администрацией, официанты в белых пиджаках уже уносят их недопитые коктейли.

Мадам д'Ортолан скептически изучает сиденье, затем со вздохом на него опускается, расправив на коленях юбку, и с чопорным лицом ждет, пока Кристоф придвинет стул ближе к столику.

Какой-то мужчина – вероятно, мистер О – протискивается к ним сквозь толпу. Одет он как деревенщина, да и цвет кожи у него под стать – ни рыба ни мясо. Мадам д'Ортолан не в восторге от такого типажа. Покосившись на громилу Кристофа, мужчина подходит к столику, улыбается, нервно потирая руки, и отвечает замысловатый поклон.

– Мадам.

– Да?

– Аймен К'эндс к вашим услугам.

⁹ *Батисфера* – глубоководный обитаемый аппарат в форме сферы, опускаемый на тросе под воду. Сооружен в 1928–1929 гг. американским инженером Отисом Бартоном для натуралиста Уильяма Библа.

– Садитесь, – указывает она.

Услышанное имя в голове не задерживается. Для Мадам он всегда будет мистером О.

У алькова слышится ругань: прежние гости возмущаются, что их выпивку унесли. Официант набрасывает на столик белоснежную скатерть, разглаживает ее и поворачивается к мадам д'Ортолан, чтобы принять заказ. Скользящий тип меж тем садится. Кристоф, с хмурым видом стоящий позади, то подозрительно поглядывает на пришедшего, то – не менее подозрительно – на бранящихся посетителей, которых, похоже, вот-вот выгонят из ресторана. К администраторам на подмогу спешат двое вышибал, по виду еще внушительнее Кристофа.

Аймен К'эндс даже сидя пытается изобразить поклон.

– Для меня огромное удовольствие встретиться с вами сно...

– Ваши любезности мне ни к чему, – обрывает его мадам д'Ортолан, – и ответных не ждите.

Этого типа – вспоминает она, разглядывая улыбчивое, блестящее от пота и досадно незнакомое лицо цвета кофе, – не мешает держать в узде. Она на мгновение оборачивается к Кристофу и указывает взглядом на свое плечо; шофер помогает ей снять кремовый жакет и бережно вешает его на спинку стула. При этом мадам д'Ортолан подмечает, что пальцы Кристофа касались ее кожи через шелковую блузку чуть дольше, чем необходимо, а еще он тайком вдохнул аромат ее волос. Это в рамках дозволенного, но отвлекает.

– Воды без газа, – говорит она официанту. – Бутылку откроете при мне. И никакого льда.

– Двойной эспрессо. – Аймен К'эндс тербит ворот рубахи. – А еще воды. Льда положите побольше. – Теперь он постукивает пальцами по столешнице.

В Париже сейчас жарко, а в кафе «Атлантик» еще жарче. Лениво крутящиеся потолочные вентиляторы здесь скорее для антуража. Потные человечки с рекламными щитами на шее – одни рекламируют блюда дня, другие предлагают услуги букмекеров, юристов, ростовщиков, залоговых компаний и борделей, третьи освещают последние новости и результаты матчей – допущены сюда в основном для того, чтобы, курсируя взад-вперед, создавать прохладный ветерок. На удивление, они неплохо справляются.

Аймен К'эндс ужом вертится на стуле, постоянно озираясь. Его ладони мнут одна другую. Похоже, он в принципе не может усидеть спокойно; при взгляде на него жара становится еще невыносимее.

– Веер! – бросает мадам д'Ортолан через плечо.

Кристоф со щелчком раскрывает большой веер из черного кружева и начинает аккуратно обмахивать ей лицо.

Аймен К'эндс, сверкая глазами, подается вперед:

– Мадам, позвольте мне сказать...

– Не позволю. – Мадам д'Ортолан оглядывается по сторонам с неприязненной гримасой. – Давайте без лишней болтовни.

Ее слова, похоже, задевают К'эндса. Глядя на свои руки, он произносит:

– Я вам настолько неприятен, мадам?

Как будто этот человечик вообще достоин ее оценки!

– Что за вздор! – отмахивается она и, окинув беглым взглядом задымленный, похожий на пещеру зал, добавляет: – Я просто не горю желанием тут задерживаться. Помимо всего прочего, такие толпы привлекают террористов.

– Христианских? – с немного озадаченным видом К'эндс тоже вертит головой.

– Каких же еще, идиот!

– А ведь это религия любви к ближнему. – Он сокрушенно цокает языком. – Как печально.

На миг у мадам д'Ортолан закрадывается подозрение, что над ней потешаются. Кто знает, насколько подробно эти залетные *passerines*¹⁰ помнят свои прошлые встречи с людьми, вещами или событиями? Неужели он над ней подтрунивает? Мадам д'Ортолан отмечает эту мысль.

– Религия фанатиков, – сварливо поправляет она. – Религия, которая любит мучеников; религия, основанная на доктрине первородного греха и позволяющая стирать в порошок детей, потому что даже они – грешники. Тьфу! – Она кривится и делает вид, что сплевывает. – Да эта религия просто создана для терроризма!

На противно лоснящемся лице К'эндса возникает некое подобие улыбки, и мадам д'Ортолан чувствует, как у нее на лбу выступают капельки пота. Она наклоняется над столиком и уже тише произносит:

– Вы что, еще не полностью тут? Не внедрились как следует? Здесь любой дурак об этом знает! А вы – нет?

– Я знаю лишь то, что знаю, мэм, – тихо отвечает он, явно стараясь напустить туману.

Одна из его ног ритмично подергивается вверх-вниз, словно вторя барабанщику «Джуплы». До чего же невыносимый субъект!

– Тогда знайте, что у меня больше нет ни малейшего желания здесь торчать, – говорит ему мадам д'Ортолан, а затем громко и раздраженно кашляет Кристофу, который, похоже, засмотрелся на субтильную евразийку, выводящую трели на сцене.

Шофер возвращается с небес на землю и после многозначительного кивка госпожи запускает свободную руку в карман серого пиджака. Оттуда он достает нечто похожее на футляр для сигары и протягивает К'эндсу.

Тот с печальным видом убирает предмет в нагрудную сумку.

– Кстати, – добавляет он, – у меня почти закончился...

– Там внутри запас еще на дюжину перемещений, – перебивает его мадам д'Ортолан. – Мы же не тупицы. Считать умеем.

К'эндс передергивает плечами.

– Простите, что доставил вам такие сильные неудобства. – В его голосе звучит обида.

Он встает, проводит пальцами по жестким темным волосам и устремляет взгляд в зал. Мимо, громахая рекламным щитом, проносится человек-сэндвич, отчего шальвар-камиз К'эндса раздувается, как парус.

– Пойду перехвачу официанта с моим кофе...

– Сядьте! – рявкает мадам д'Ортолан.

К'эндс оборачивается.

– Вы же сами сказали...

– Сидеть!

Он повинуетсЯ с еще более уязвленным видом.

– Касательно этого дела у меня для вас особые указания. Не упомянутые в инструкции.

К'эндс, разумеется, удивлен. Поразительно, насколько быстро и явно его внутренний настрой отражается на лице! Мадам д'Ортолан находит это мерзким. А если он такой со всеми, то еще и непрофессиональным. Неужели он окончательно съехал с катушек? Досадно, если долгая кампания по выведению его из строя увенчалась успехом именно сейчас, когда он нужен ей в здравом уме!

– Как это – не упомянутые? – хлопает глазами К'эндс.

Мадам д'Ортолан не удивилась бы, появившись над его головой облачко со знаком вопроса, как в комиксах.

¹⁰ Слово *passerine* в переводе с французского означает маленькую птичку и служит французским аналогом слова «транзитор» (от фр. *passer* – «переходить», «переправляться»).

– Да вот так, – говорит она. – Некоторые имена и задачи в переданных вам инструкциях могут вас удивить. Тем не менее эти указания были тщательно согласованы на высшем уровне, причем одобрили их не один-двое, а сразу несколько благонадежных лиц, так что будьте уверены: ошибки здесь нет. Что касается заключительного пункта инструкции, которого вам рекомендуют придерживаться в каждом из случаев, – не обращайтесь на него внимания. Упомянутых субъектов не нужно подвергать принудительной транзиции. Все до единого должны быть устранены. Иными словами, убиты. Незамедлительно. Вам понятно?

Брови К'эндса взлетают вверх.

– Вы просите меня нарушить письменный приказ?

– Всего один пункт. Сущая мелочь.

– Мелочь?! – В глазах у него ужас – хотя, возможно, его больше напугал выбор слова, чем предельная жестокость плана действий.

– На бумаге, – терпеливо объясняет мадам д'Ортолан, – вам предписано найти упомянутых лиц, подобраться к ним, а затем изолировать. Я лишь вношу устную поправку: сделайте все вышеперечисленное, только не похищайте их, а убейте.

– Значит, это приказ?

– Да.

– Но...

– Письменные распоряжения поступают из моего кабинета, а затем согласовываются, – ледяным тоном продолжает мадам д'Ортолан. – Моя устная поправка также была должным образом рассмотрена и одобрена. И она вышла позже письменных указаний. Что в этой цепочке событий вам непонятно?

В наступившей тишине звенит обида. Официант приносит напитки. Как только он уходит, К'эндс говорит:

– Полагаю, устные уточнения будут подтверждены документально, и уже тогда...

– Конечно нет! Не будьте глупцом! Есть причины, почему мы все устраиваем именно так. – Мадам д'Ортолан наклоняется ближе и кивком приглашает собеседника тоже придвинуться. – Разве вы не видите, – продолжает она чуть мягче и понизив голос, – что Совету, да и «Надзору» в целом угрожает опасность? Задание должно быть выполнено. Необходимо принять меры. Они могут показаться суровыми, но и угроза крайне велика.

К'эндс по-прежнему медлит.

Мадам д'Ортолан выпрямляется на стуле.

– Просто выполните указания, К'эндс. Все до единого.

Кристоф откупоривает бутылку, чистым носовым платком протирает стакан и наливает туда воду. Мадам д'Ортолан делает маленький глоток. Судя по виду, К'эндс страшно недоволен, но это не мешает ему чуть ли не залпом, в два захода, выпить эспрессо. У мадам д'Ортолан возникает непрощенная мысль, что и в постели он теперь такой же дерганный и торопливый. Хотя когда-то, конечно, был весьма искусен. Она отгоняет воспоминание о том, что лучше бы забыть, и кивает в сторону зала.

– Вот теперь можете идти.

К'эндс вскакивает, поспешно кланяется и делает шаг к выходу.

– Минуточку! – останавливает его мадам д'Ортолан.

Он со вздохом оборачивается.

– Да?

– Напомните, как там вас зовут?

– Аймен К'эндс, мэм.

– Что ж, К'эндс, надеюсь, вы все поняли?

Его челюсть ходит ходуном, словно он едва владеет собой.

– Разумеется, – цедит он сквозь зубы.

Мадам д'Ортолан награждает его ледяной улыбкой.

– Как вы, наверное, догадываетесь, К'эндс, вам поручили дело чрезвычайной важности. Можно сказать, первостепенной. В случае успеха вас ждет щедрая награда, но и плата за неудачу будет...

– Ей-богу, мадам! – громко прерывает ее К'эндс, в чьем голосе звучит не только раздражение, но и намерение задеть. – Без вас разберусь!

Он разворачивается и, подергивая головой, исчезает в толпе.

Мадам д'Ортолан возмущена до глубины души.

Философ

Мой отец был зверем, мать – ангелом. Отец – здоровенный, сильный детина – любил, как говорится, распускать руки. В школе его однажды оставили на второй год, после чего он стал самым крупным мальчишкой в классе. Настолько крупным, что временами запугивал учителей. В конце концов его вышвырнули за драку с другим учеником. Отец утверждал, будто старшеклассник, которого он избил, издевался над младшими. Лишь двадцать лет спустя, уже после смерти отца, мы узнали, что на самом деле он сломал челюсть однокласснице.

Он с детства мечтал работать в полиции, но так и не смог сдать вступительные экзамены. Устроился охранником в тюрьму, пока и оттуда не вышибли за неоправданную жестокость. Ничему жизнь не учила, согласны?

Мать воспитывалась в строгой религиозной семье. Ее родители состояли в небольшой секте под названием «Первая церковь Народа, избранного Господом нашим Христом-искупителем». Я как-то пошутил, что у этой общины слов в названии больше, чем прихожан. Тогда мать в первый и единственный раз меня ударила.

Она гордилась тем, что не спала с моим отцом до свадьбы. Они поженились в ее восемнадцатый день рождения. Думаю, она просто мечтала отделаться от родителей со всеми их запретами и правилами. А правил в их доме было хоть отбавляй. Перед тем как жениться, отцу пришлось пообещать местному проповеднику и старейшинам общины, что все его дети будут воспитываться в лоне Церкви, хотя он, похоже, усмотрел в этом удобный повод пренебрегать отцовскими обязанностями. Пока я рос, он уделял мне минимум внимания. Обычно он читал газету, беззвучно шевеля губами, или слушал музыку в наушниках, громко и невпопад подпевая. А если мне удавалось его отвлечь, отец, нахмурившись, опускал газету и отправлял меня к матери или же просто буравил взглядом, не выключая плеер, и указывал пальцем сначала на меня, затем на дверь. Он любил кантри и мелодии из вестернов – чем заунывнее, тем лучше.

Отец никогда не скрывал, что сам неверующий, хотя в сильном подпитии мог обронить: «Там, наверху, наверняка кто-то есть». Он повторял это довольно часто.

Должно быть, маме он показался особенным. Возможно, как я уже упомянул, свою роль сыграло и желание избавиться от дурацких запретов и предписаний, с которыми она мирилась в родительском доме. Увы, как мы оба с ней выяснили, отец тоже был не прочь покомандовать.

Чаще всего о новом правиле меня оповещал шлепок по уху, а когда я совсем уж отбивался от рук, отец снимал ремень, швырял меня к себе на колени и хлестал. В общем, мама попала из огня да в полымя, а я – сразу в полымя.

Мама души во мне не чаяла. Она отдавала единственному сыну всю любовь, которая предназначалась мужу, но отскакивала от него, словно мячик. Не подумайте, будто из-за нее я стал геем. Нет. Я вполне обычный. Просто получил одностороннее воспитание в странной семье, где один родитель меня боготворил, считая пай-мальчиком, а другой обращался со мной, как с питомцем, которого жена принесла в дом без разрешения. Если б я хорошенько поразмыслил, то пришел бы к выводу, что семья у меня самая обыкновенная. Однако я об этом не думал и никогда не спрашивал у других детей, какая обстановка дома у них. Я вообще довольно редко общался с одноклассниками. Ровесники казались мне слишком шумными и разбитными, а

они меня, должно быть, считали тихоней. Или букой. Меня задирали и подкалывали из-за христианской веры.

Многие, наверное, назвали бы мое детство трудным, хотя мне оно таким не виделось – ни тогда, ни даже теперь. Во всяком случае, не так однозначно. Обычные превратности судьбы. Я усердно учился, а после уроков и по выходным подолгу бывал на природе. Домашние задания всегда выполнял идеально. Я много времени проводил в библиотеках – школьной и в соседнем городке, – причем не только за чтением. Когда ездил в автобусе, глядел в одну точку.

Втроем мы еще худо-бедно уживались, а потом родилась моя сестра. Конечно, она ни в чем не виновата, хотя тогда признать это было сложно. Я не знал, кого еще винить. Разумеется, сестра ничего плохого не сделала, пусть и послужила причиной.

Мы жили за городом неподалеку от тюрьмы, по соседству с коллегами отца. Все детство до меня доносились родительские ссоры: стены в доме были тонкие. Впрочем, маму я не слышал, только отца. Она всегда говорила очень тихо, почти шептала, а он либо орал, либо громко ее отчитывал. Сомневаюсь, что он вообще умел общаться спокойно. Со стороны казалось, будто отец спорит сам с собой или с кем-то воображаемым. Обычно я прятал голову под подушку, а если не помогало – затыкал уши пальцами и мычал, чтобы заглушить все прочие звуки.

Однажды я, должно быть, бубнил слишком громко, потому что в комнате зажглась лампа, и, открыв глаза, я увидел над собой хмурого, в одних трусах, отца. Он грозно спросил, какого черта я так расшумелся, а я, щурясь от яркого света, заплакал. Я не сомневался: сейчас мне прилетит, однако отец что-то неразборчиво проворчал и, хлопнув дверью, вышел. Свет мне пришлось выключать самому.

Я и прежде слышал вещи, о которых предпочел бы не знать – про секс и тому подобное, – однако тем вечером мама вернулась из больницы, где около недели назад родила мою сестру. Важное, на мой взгляд, обстоятельство. Первые роды у мамы прошли с трудом, и вообще-то ей не следовало заводить еще детей. Тем не менее она вновь забеременела, и случилось как случилось. Отец предпочел бы избавиться от того, что затем превратилось в мою сестру, однако мать отказалась по соображениям веры и пошла до конца. Она пережила неприятную операцию, ей наложили много швов там, внизу.

Думаю, в тот вечер отец был пьян, и пьян очень сильно – впрочем, как всегда. Даже пытаясь мычать себе под нос, я знал, о чем они говорят – о сексе. Несмотря на то что мама едва выписалась из роддома. А так как в силу возраста я уже начал интересоваться взрослыми отношениями, какая-то часть меня захотела послушать.

И я услышал, как мать умоляет отца заняться с ней оральным или даже анальным сексом вместо обычного, ведь у нее швы и до сих пор все болит. Раньше отец сам упрасивал ее о чем-то подобном, но, судя по долетавшим до меня обрывкам ссор, она не соглашалась. Тем не менее той ночью он не принял ее подачку, особенно после месяцев воздержания.

В общем, не буду ходить вокруг да около: он взял ее силой, а мне пришлось слушать стоны, а затем – крики. Очень громкие, хотя я каким-то образом понимал, что она сдерживается изо всех сил. Я засунул пальцы в уши так глубоко, что испугался повредить барабанные перепонки, и замычал что есть мочи, однако криков не заглушил.

Вы даже не представляете, как долго это длилось. Может, на отца так повлияло опьянение, а может, ее вопли. Наконец, крики стихли, сменившись всхлипами, а вскоре раздался храп.

Конечно, я рисовал себе, как врываюсь к ним в спальню, стаскиваю отца с матери, колочу его и так далее, однако мне едва исполнилось одиннадцать, и сложением я пошел в хрупкую мать, а не в грозного отца. Я ничего не мог поделать.

Звуки взбудоражили и мою сестренку. Она плакала, как обычно плачут младенцы, – возможно, уже долго, просто я не замечал из-за криков матери и своего мычания. Я услышал,

как мама поднялась с кровати и подошла к колыбельке, чтобы успокоить дочку, хотя ее собственный голос дрожал от слез. Отец оглушительно храпел, мама всхлипывала и причитала, а сестренка надрывно ревела. Только тогда наши соседи застучали в стену. Их приглушенная брань походила на вялый, далекий репортаж о случившемся.

Мне не стыдно признаться, что почти всю оставшуюся ночь я проплакал, хотя в итоге все-таки уснул и наутро пошел в школу. Удивительно, как многое человек может пережить и принять. Практически все.

Думаю, именно той ночью я решил, что никогда не женюсь и не заведу детей.

3

Пациент 8262

Есть в моем образе жизни некая строгость, чистота. Элементарность. В определенном смысле, со мной почти ничего не происходит: лежу на койке, уставившись в одну точку или за окно, моргаю, сглатываю слюну, переворачиваюсь на другой бок, иногда встаю – например, если утром меняют постельное белье. Всякий раз, когда я с отвисшей челюстью наблюдаю за медперсоналом и уборщиками, они пытаются завязать со мной разговор. В ответ я старательно выдавливаю улыбку. К счастью, мы говорим на разных языках. Я понимаю большую часть слов – достаточно, чтобы в целом представить, как медики оценивают состояние моего здоровья и какими лекарствами намерены меня пичкать, – однако понимание это дается мне с трудом, а сам я на их языке ничего вразумительного вообще не скажу.

Время от времени я киваю, посмеиваюсь или произвожу звук, отчасти похожий на кашель, а отчасти – на мычание, которое порой издают глухие; еще нередко хмурю брови, словно гадая, о чем мне говорят, или досадуя оттого, что остаюсь непонятым.

Периодически приходят доктора, чтобы меня проверить. Вначале и врачей, и тестов было много. Теперь меньше. Мне дают книги с фотографиями и рисунками предметов обихода или с большими, во всю страницу, буквами. Одна женщина-врач принесла мне ящик с детскими деревянными кубиками, на которых тоже красовались буквы. Я с улыбкой начал их ворошить, составлять красивые узоры и возводить башенки, чтобы со стороны выглядело так, будто я не понимаю букв, однако стараюсь сделать все возможное, лишь бы мной остались довольны. Врач – молодая симпатичная женщина с короткой темной стрижкой и большими карими глазами – то и дело постукивала по зубам кончиком карандаша. В отличие от иных коллег, она обращалась со мной терпеливо, без грубостей. Она мне очень нравилась, и я бы охотно приложил усилия, чтобы ее порадовать. Но не мог – и следовательно, ничего не делал.

Я лишь захлопал в ладоши, растопылив пальцы, как малыш, отчего сбил башенки из кубиков, которые до этого выстроил. Женщина печально улыбнулась, постучала по зубам карандашом и напоследок сделала несколько пометок в блокноте. Я с облегчением выдохнул, так как боялся, что перегнул с ребячеством.

В уборную мне дозволено ходить одному, хотя порой я притворяюсь, что засыпаю там. Когда персонал начинает стучать в дверь, выкрикивая мое имя, – выхожу с виноватым видом и бессвязно что-то лопочу.

Меня здесь называют «Кел». Кажется, это прозвище то ли по какой-то причуде, то ли в шутку придумал один врач, но в начале года он уволился, в моих записях отсылок к имени «Кел» нет, а больше никто ничего не помнит.

Мыться мне самому не разрешают. Впрочем, не так-то уж плохо, когда тебя моют: если подавить чувство стыда, то процесс очень даже расслабляет, напоминая, в некотором смысле, о роскошной жизни. Утром в банный день я обязательно мастурбирую в туалете, чтобы потом не оконфузиться перед медсестрами или санитарями.

Одна из медсестер – крупная и добродушная, с нарисованными бровями, другая – миниатюрная крашеная блондинка, довольно симпатичная. Есть еще два санитаря, или работника по уходу за больными: бородатый мужчина с длинными, забранными в конский хвост волосами и щуплая на вид, но поразительно сильная дама, которая выглядит старше меня. Если бы кто-то из них (не буду скрывать – речь о хорошенькой блондинке) вдруг проявил хотя бы малейший признак сексуального интереса, я бы, наверное, пересмотрел свою привычку превентивного самоудовлетворения. Впрочем, пока вероятность такого развития событий мала, и во время мытья все четверо демонстрируют лишь деловую отстраненность.

В дальнем конце коридора есть комната отдыха, где другие пациенты смотрят телевизор. Я туда навещаюсь редко, а когда прихожу – делаю вид, будто не понимаю смысла передач. Остальные в большинстве своем сидят с разинутыми ртами, и я им подражаю.

Кто-нибудь из больных то и дело пытается завязать со мной беседу. Я в ответ моргаю, улыбаюсь и бессвязно мычу, после чего собеседник обычно уходит. Только огромный лысый толстяк в оспинах меня не чурается. Когда мы смотрим телевизор, он садится рядом и бубнит мне что-то низким, усыпляющим голосом – возможно, рассказывает о неблагодарной и надменной родне и своих любовных похождениях в молодости, излагает диковатые сюжеты из местного фольклора или хвастается изобретением вечного двигателя. Как вариант, признается мне в безудержной страсти и в красках расписывает, что сделал бы со мной наедине. А может, признается не в любви, а в ненависти – и, опять же, в красках расписывает, что сделал бы со мной наедине. Я не разбираю почти ни слова; думаю, он говорит на том же отчасти понятном мне языке, что и доктора с медсестрами, просто на другом диалекте.

В любом случае, я редко достаиваю вниманием комнату отдыха и остальных пациентов. Лежу или сижу в своей палате и размышляю обо всем, что сделал и собираюсь сделать, как только непосредственная угроза исчезнет и я смогу без опаски вернуться в строй. Иногда улыбаюсь или даже фыркаю от смеха, думая, как все эти несчастные безумцы будут прозябать здесь, пока не умрут, тогда как я побываю еще во множестве миров, живой и полный эмоций – трюкач, готовый на любую авантюру, которая придет в голову. Если бы кто им рассказал – и пациентам, и персоналу, – только представьте, как бы они изумились!

Эдриан

Верите – нет, но я всегда обожал кокаин. Не только потому, что он сделал меня богатым и помог выбраться со дна. Я обожал им закидываться.

Кокс – настоящий бриллиант среди наркотиков. Мне нравилось в нем все, нравилось, насколько он гармоничен. Во-первых, чистота. Вы только посмотрите на этот чудесный белоснежный порошок! Иногда чуть желтоватый, но такого оттенка, какого бывают ярко освещенные солнцем облака, изначально белые. Даже шутки про схожесть со стиральным порошком – и те вполне уместны. Кокс как будто вычищает черепушку изнутри, согласны? И способ приема тоже соответствует всему остальному. В ход идут чистые, острые, конкретные предметы вроде бритвенных лезвий, зеркал и туго скрученных банкнот. Предпочтительно новых, а номинал – на ваше усмотрение. Обожаю запах свежих купюр, с присыпкой или без.

А еще снежок заряжает тебя энергией, это что-то вроде цели и средства в одном пакете. Все вдруг становится возможным. Ты можешь обсудить любую проблему и придумать решение, переубедить любого противника, увидеть четкий, разумный способ, как любые трудности обратить себе на пользу. Кокс – это наркотик действия, побуждающий наркотик.

Там, откуда я родом, в основном сидели на гашише, герыче или спидах – в общем, на коксе для бедных. Появлялись и любители экстази.

Спиды – это как ламинат вместо дерева или искусственный мех вместо натурального, ну, или как дрочество вместо реального секса. Покатит, если на правильный кайф денег нет.

Экстази неплох, но эффект не мгновенный. Нужна подготовка. Не такая, конечно, как перед приемом старой доброй кислоты – люди, по возрасту годившиеся мне в отцы, рассказывали о трипах по восемнадцать часов кряду, а то и дольше, которые выворачивали весь мир наизнанку, и не всегда в хорошем смысле. Перед стартом эти ребята все тщательно продумывали: куда пойти во время прихода и даже с кем. По сути, нанимали помощников. Вроде как сиделок. Кто бы мог подумать, что хиппи бывают такими ответственными!

По сравнению с этой пожирающей время дичью экстази легче. Как, скажем, шорле¹¹ вместо виски с содовой. Но опять же, многое надо продумать заранее, да и вся эта тема скорее про дискачи и совместные тусовки с такими же психонавтами. Отлично, если хочешь поймать долгий, застывший во времени миг коллективной эйфории, но это как поучаствовать в обряде, ритуале. Как там в песне – «Вот моя церковь»?¹² Ну, или что-то вроде того. Не наркотик, а богослужение. Слишком массовая и панибратская вещь, на мой вкус.

Гашиш по эффекту чем-то похож. Правда, я никогда не понимал, при чем здесь долбаные ассасины¹³. Впрочем, все, что касается престарелых хиппи, возлежащих в клубах дыма и несущих всякую пургу, – за пределами моего понимания. Эта коричневая смола, от которой слипается не только папиросная бумага, но и мозг, заставляет кашлять и плевать, а еще может довести до состояния, когда тебя посещает «блестящая» идея выпить застоялую воду из бонга, чтобы уж точно выйти за рамки привычного восприятия. В общем, хрень несусветная. Знаю, это был великий наркотик шестидесятых, когда каждый хотел нагнуть систему, участвуя в групповухах и рисуя цветочки у себя на заднице, но все это слишком уж туманно, расплывчато и довольно бесцельно, согласны?

Вот героин – это настоящий хардкор, мое уважение. Большинству он диктует четкий жизненный уклад и открывает источник чистейшего наслаждения, откуда берут начало все остальные наркотики, включая легальные вроде алкоголя. Ты словно видишь нечто настолько первозданное, что ничего лучше, кажется, уже не найти.

Увы, героин – эгоистичный наркотик. Он тебя поработает, берет под контроль, вся твоя жизнь сводится к поиску новой дозы. Ты выпадаешь из реальности: настоящим становится мир, где есть герыч, а мир, в котором ты когда-то жил и продолжают жить остальные – жалкие идиоты, – мир, в котором, что бесит больше всего, находятся деньги, – этот мир становится игрой. Серым, мрачным местом, куда нужно возвращаться чаще, чем хотелось бы, чтобы совершать автоматические действия, которые позволят снова окунуться в крышесносящий, радужный мир героина. Полная вовлеченность – вот что такое героин, даже сам способ его приема смертельно опасен. Это как завербоваться в армию.

Плюс к тому суeta с нагреванием болотной жижи в допотопного вида ложках, поиском вены, затягиванием жгутов зубами; да еще необходимость пускать себе кровь, когда колешься... Бардак полный. И на фига оно надо? Разве это чистота, как в случае с кокаином? Совсем наоборот. А еще нужно держать при себе ведро, ведь сразу, как только выштырит, ты начинаешь блевать! Возможно, я отстал от моды, но разве наркота не должна радовать? А здесь какое, на фиг, веселье?

Как я уже говорил, мое уважение тем, кто добровольно подвергает себя такой деградации ради погружения в теплые воды блаженства, но вашу ж мать, разве этот наркотик делает жизнь лучше? Нет, он вытряхивает вас из одной жизни и целиком окунает в другую, где все до чертиков прекрасно, но без дозы туда не попасть. Представьте себе ныряльщика в стародавнем водолазном костюме: на медном шлеме – иллюминатор с решеткой, наружу тянется воздушный шланг... Героин – это и есть шланг. Героин – это воздух. Полная зависимость.

Нет уж, спасибо, я предпочту кокаин. Только не крэк. Нет, потому что к нему мгновенно привыкаешь, а это геморрой. Крэк переоценен, и точка. К тому же его курят, а значит, опять вся эта возня на ровном месте. Есть в нем что-то грязное, вот что скажу. Крэк – это кокс для торчков.

¹¹ Шорле – смесь из вина или сока с минеральной водой. Чаще всего используется белое вино.

¹² Строчка из песни 1998 г. God Is a DJ («Бог – это диджей») британской электронной группы Faithless. При этом название группы переводится как «Неверующий».

¹³ Распространено мнение, что слово «ассасин» происходит от арабского *ashāshīn* – «люди, употребляющие гашиш», однако есть и другие версии.

Настоящий, правильный кокс работает чисто, быстро и четко. Это разумный наркотик: ты принимаешь ровно столько, сколько нужно, именно тогда, когда хочешь, и действует он безотказно. Ясен хрен, этот наркотик выбирают все властелины мира, финансовые воротилы, капиталисты высшего эшелона. Шутка ли – веселье с мгновенной доставкой! По дорожке в оба дула – и ты уже хренов гений, великий и непобедимый. То, что доктор прописал, когда жонглируешь астрономическими суммами денег и рискуешь чужими вложениями. Разумеется, есть и минусы, хотя многих потеря аппетита только обрадует. Разве в наше время кто-то хочет быть жирным? Так что тут скорее не минус, а бонус. А вот заложенный нос, паранойя, риск лишиться носовой перегородки и, как утверждают, угроза сердечного приступа – это уже не шутки. Впрочем, не разбив яиц, омлет не приготовишь.

Забавно, что сам я нюхаю порошок крайне редко, хотя любил его и люблю, и к тому же имею доступ к чистейшему товару по самой выгодной цене. Конечно, порой я себя балую, спасибо нужным связям. Просто не лезу на рожон. И не увлекаюсь, понимаете? Вроде как сохраняю равновесие, соблюдаю баланс. И к спиртному отношусь так же. Я мог бы упиваться винтажным шампанским и раритетным коньяком хоть каждый день, но это не что иное, как потворство внутренней обезьяне. А я – за разумный подход.

То же самое с девушками. Женщин я люблю, но не хочу полностью зависеть от одной, понимаете? Найти половинку, завести детей, свить гнездышко и так далее – знаю, многих это устраивает; возможно, поэтому Земля и вертится, как говаривал мой старик, но даже если не брать в расчет, что планету вертит гравитация, – допустим, речь о продолжении рода, – так эта лавочка и без меня неплохо работает, благо большинство живет по старинке. Большинство, но не все. Да и не нужно, чтобы все. Большинства вполне достаточно.

Помните песню «Любовь – это наркотик»? ¹⁴ Точнее не скажешь, ага? Еще одно искушение, еще один способ потерять себя. Романтическая фигня, которая делает тебя уязвимым, вот и все. Кладет твою голову на плаху.

Нет, не подумайте, я не тупой – знаю, что это случается с каждым и, возможно, когда-нибудь случится со мной. Тогда я тоже начну разводить сопли, мол, «вот оно», «она – та самая», «на этот раз все иначе»... В таком случае, надеюсь, я хотя бы не стану гребаной подстилкой, уж простите за выражение. Ну, вы поняли. Даже сильнейшие оступаются. Все мы уязвимы, но из уважения к себе лучше держаться как можно дольше. Согласны?

Транзитор

Тэмуджин О, мистер Маркуанд Ис, сеньор Маркан Диз, доктор Маркуанд Эмесир, месье Маркан Демесир, Марк Кейвен, Аймен К'эндс... Как меня только не называли. Я носил множество имен, и все они, несмотря на сильные различия, в какой-то мере тяготели к определенной комбинации звуков, ограниченному набору фонем. Каждый раз, когда я перемещаюсь, мое имя меняется, причем непредсказуемым образом. Я никогда не знаю, кем становлюсь, пока не проверю.

Я опускаю в свой эспрессо крошечную белую таблетку, немного поддвигаю подставку с приправами, затем в два глотка выпиваю кофе и в ожидании откидываюсь на спинку стула. (Другая часть моего разума вовсе не ждет, она яростно концентрируется, выискивая малейший намек на цель среди бескрайнего множества вероятностей, подобно молнии, которая, ветвясь, прокладывает путь сквозь облака.)

Я сижу на веранде очередного кафе, на этот раз в Четвертом округе, гляжу на рукав Сены и остров Сен-Луи, постепенно погружаясь в транс, который перенесет меня аккуратно в нужное место и человека. Заодно появляется время для раздумий. Можно все взвесить и сделать выводы.

¹⁴ *Love Is the Drug* – песня 1975 г. британской рок-группы Roxy Music.

Встреча с мадам д'Ортолан прошла из рук вон плохо. Моя собеседница косо сидела на стуле, скатерть лежала не по центру – один свободный край был вдвое длиннее другого. Компенсировать это безобразие я мог только подергиванием ноги, что, если честно, ни капли не помогало. К тому же Мадам держала меня за идиота! Напыщенная дрянь!

Я понимаю, что бубню себе под нос: «Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл», дабы хорошенько запомнить этот перечень. Официант, забирающий с соседнего столика сдачу, с подозрением на меня косится.

– Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, – с улыбкой глядя на него, бормочу я.

Теоретически я нарушаю меры безопасности. Ну и что? Все равно в этом мире мои слова ничего не значат. Те, кто знаком лишь с этой реальностью – да и в принципе, с любым из миров по отдельности, – услышат просто бессмысленный набор звуков.

В моей нагрудной сумке лежит маленький алюминиевый тубус. Среди прочего в нем находится одноразовый механический считыватель – металлическое устройство, похожее на две крошечные измерительные рулетки, соединенные лентой, на которую надето что-то вроде наплекки со стеклянным окошком. На одной из катушек – выдвижная рукоятка. Выдвинув ее и отпустив, вы заводите механизм, который начинает перематывать бумажную ленту сквозь стеклянное окошко с одной бобины на другую. Главное – смотреть очень внимательно. Вы можете прочесть с десятков букв зараз, прежде чем лента с ними наматывается на вторую катушку, где особым образом обработанная бумага, вступая в контакт с воздухом, рассыпается в пыль, навсегда уничтожая напечатанное. Едва механизм запущен, ленту уже не остановить, так что важно не отвлекаться. Если проморгаете часть сообщения – дело плохо. Придется просить, чтобы инструкцию вам выдали заново, а это ничего хорошего не сулит.

Я изучил свою инструкцию в туалете. Лампа светила тускло, так что я включил фонарик. Если прибавить к прочитанному крайне нетипичные устные поправки, боссам понадобилось несколько, как у нас принято называть, «устранений». Хотя несколько – это еще мягко сказано. Довольно много. И все поручили мне. Любопытно...

Чихнув, я вновь открываю глаза. Теперь я франтоватый джентльмен в сюртуке, шляпе и серых перчатках. В руке – трость. Цвет кожи стал немного темнее. Проверка языков выявляет, что знание китайского вернулось, а на фарси я говорю почти так же бегло, как на французском и английском. На четвертом месте – немецкий, а затем – поверхностные знания еще как минимум двадцати языков. Этот мир, похоже, сильно разобщен.

Париж опять изменился. Остров Сен-Луи теперь надвое разделен каналом, по улице на цокающих, трясущих гривами лошадях гарцуют импозантно одетые гусары, которым вежливо аплодируют немногочисленные зеваки. Плывут клубы пара. Я задираю голову, надеясь полюбоваться дирижаблями. Они всегда мне нравились, однако здесь ни одного не видно.

Я жду, пока всадники проедут, а затем останавливаю элегантный паровой кеб и прошу шофера отвезти меня на вокзал Ватерлоо, откуда ходит скоростной поезд до Англии.

– Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, – снова бормочу я и подмигиваю недоумевающему таксисту.

В пассажирском отсеке имеется зеркало. Я разглядываю свое отражение. Одет я с иголочки, подстрижен волосок к волоску, небольшая козлиная бородка филигранно подбрита, однако в остальном моя внешность, как обычно, ничем не примечательна.

Номер такси – 9034. Если сложить цифры, получится шестнадцать, единица с шестеркой в сумме дают семь, а это – любой дурак знает – счастливейшее из чисел. Я поправляю манжеты рубашки, торчащие из рукавов пиджака: полоски белой ткани должны быть одинаковой длины.

С глубоким вздохом устраиваюсь на бархатном сиденье со стеганой обивкой, стараясь угнездиться ровно по центру. Похоже, обсессивно-компульсивное расстройство никуда не делось.

Клуб «Перинеум» находится на Вермин-стрит, неподалеку от Пикадилли. Я приезжаю под вечер, когда лорд Хармайл пьет чай.

– Мистер Демесир, – произносит он, брезгливо оглядывая мою визитку, как будто она заразная. – Какой сюрприз. Не хотите ли присоединиться?

– Спасибо, не откажусь.

Лорд Хармайл – тощий, костлявый мужчина с длинными белыми волосами и будто бы выцветшими чертами лица. Губы у него тонкие, бледно-сиреневые; маленькие глазки вечно слезятся. Он выглядит лет на девяносто, а то и древнее, хотя на самом деле ему едва за пятьдесят. Две группы медиков, изучающих эту аномалию, видят причину либо в наследственной патологии, либо в излишне экстравагантных пристрастиях.

Хармайл буравит меня взглядом с дальнего конца стола. В «Перинеуме» настолько же тихо, чопорно и пустынно, насколько было шумно, живо илюдно в кафе «Атлантик». Пахнет кожей и трубочным табаком.

– Так, значит, вы от мадам д'Ортолан? – вопрошает почтенный лорд.

Возле нашего столика материализуется лакей и наливает почти бесцветный чай в полупрозрачную фарфоровую чашку. Я с трудом подавляю желание развернуть ее так, чтобы ручка указывала прямо на меня.

– Мадам шлет вам поклон, – говорю я, хотя ничего подобного от нее не слышал.

Лорд Хармайл втягивает и без того впалые щеки и морщится так, будто его чай сдобрен мышьяком.

– И как эта... леди... поживает?

– Прекрасно.

– Гм-м... – Пальцы лорда Хармайла, словно когти ископаемого хищника, висят над чем-то вроде огуречных сэндвичей без корки. – А вы... Вас просили мне что-то передать?

Когтистая лапа меняет курс и останавливает свой выбор на печенье. На одной тарелке лежат семь анемичного вида бутербродов, на другой – одиннадцать печений. Оба числа простые. В сумме дают восемнадцать. Такое число уже простым не назовешь. А сумма его цифр – девять – так вообще не число, а пустышка. Воистину, вся эта математика и развлекает, и печалит одновременно.

– Да.

Я вынимаю бронзовую коробочку и вытряхиваю себе в чай крошечную таблетку. Затем помешиваю ложечкой и подношу чашку к губам. Лорд Хармайл и бровью не ведет.

– Чашку полагается поднимать вместе с блюдцем, – брезгливо роняет он, когда я делаю глоток.

– Действительно? Прошу прощения. – Я опускаю чашку и снова подношу ее к губам уже вместе с блюдцем.

Вкус у чая невнятный, словно все его ароматные составляющие притаились, боясь проявить себя.

– Итак? – сердито спрашивает Хармайл.

– Итак? – повторяю я в ответ, изображая вежливую озадаченность.

– Что вас просили передать мне, сэр?

Никогда не перестану искренне восторгаться людьми, которые вкладывают в слово «сэр» – на первый взгляд почтительное – такую долю неприкрытого презрения, какую позволил себе только что лорд Хармайл.

– Ах да. – Я возвращаю блюдце с чашкой на стол. – Должно быть, вы испытываете некоторое беспокойство в связи с последними... изменениями в Центральном совете. Не волнуйтесь. Ситуация находится под нашим неусыпным... – я улыбаюсь, – надзором.

С лица Хармайла, и без того бледного, сбегает последняя краска. Довольно впечатляюще, учитывая, что он наверняка притворяется. Лорд ерзает в кресле, глядит по сторонам. Затем дрожащей рукой опускает чашку с блюдцем.

– О чем вы, ради всего святого?

– Сэр, перво-наперво, не тревожьтесь. Я приехал, чтобы вас защитить, а не напугать.

– Правда? – недоверчиво щурится почтенный лорд.

– Не сомневайтесь. Помимо прочего, я давно занимаю должность в Охранном отделе.

(Вообще-то так и есть.)

– Не слышал о таком.

– Никто о нас и не знает, кроме тех, кто нуждается в наших услугах. – Я вновь расплываюсь в улыбке. – Как бы то ни было, наш отдел существует. А вам, вероятно, и правда угрожает опасность. Поэтому я здесь.

Хармайл выглядит взволнованным. Даже растерянным.

– Я всегда понимал, что леди из Парижа непоколебимо предана действующему режиму, – изрекает он, чем слегка меня удивляет. – Однако мне казалось, будто она в значительной мере этот режим и представляет, причем на самом высоком уровне.

– Правда? – приподнимаю брови я.

Тут следует пояснить: выражаясь языком политиков Центрального совета, лорд Х. – перекати-поле. Являясь сторонником мадам д'Ортолан, он по ее же просьбе должен изображать, что отдалается от ее клики и выступает против. Завоевав доверие других несогласных, он вывел бы их на чистую воду. Мадам д'Ортолан надеялась обзавестись шпионом в стане врага. Увы, лорд Х. явно не оправдывал возложенных на него надежд, поэтому и начал опасаться, что застрял на шаткой лестнице и рискует упасть вне зависимости от того, куда шагнет.

– Да, – подтверждает лорд Хармайл, все еще подозрительно оглядывая тихое помещение с высокими потолками и деревянными панелями на стенах. – Поэтому я думал, что если леди прознает о моих сомнениях касательно нынешней... стратегии... то из моей благоволенности превратится в заклятого врага.

Я поднимаю руки в успокаивающем жесте. (На краткий миг мой мозг сумасбродно расценивает это движение как взмах одной руки сразу в двух реальностях. Чтобы развеять морок, я вынужден прибегнуть к чему-то вроде внутреннего встряхивания головой. Мой разум сейчас находится как минимум в двух разных местах, что даже с моим редким даром и после множества тренировок требует немалой концентрации.)

– Леди незлопамятна, – слышу я собственный голос. – К тому же ее позиция совсем не такова, как вы, должно быть, предположили.

В глазах лорда Хармайла загорается любопытство. Возможно, он размышляет, насколько хорош мой английский и нет ли в моих словах подвоха.

С рассеянным видом шарю по карманам. (Я и правда рассеян по мирам, но держусь.)

– У вас не найдется носового платка? Такое чувство, что вот-вот чихну.

Хармайл хмурит брови. На миг он переводит глаза на свой нагрудный кармашек, откуда выглядывает белый треугольник платка.

– Сейчас попрошу. – Он поворачивается, чтобы окликнуть официанта.

Этого достаточно. Я встаю с места, стремглав бросаюсь к лорду, и пока он снова оборачивается ко мне – в глазах у него первые промельки страха, – успеваю полоснуть его по горлу от уха до уха стилетом, который прятал в правом рукаве. (Симпатичная вещица из Венеции – должно быть, из муранского стекла, куплена на Банд-стрит минут десять назад.)

Алебастровая наружность почтенного лорда вводила в заблуждение: на самом деле, крови в нем достаточно. Для верности я вонзаю ему стилет под грудину.

На всякий случай оговорюсь: я не солгал. Я действительно состою в Охранном отделе (хотя, по всей видимости, только что отправил себя в отставку), однако вышеозначенный отдел

занимается безопасностью «Надзора» в целом, а не конкретных личностей. Это существенный нюанс. Впрочем, возможно, не в данном случае.

Я осторожно отступаю от лорда Хармайла, который с отчаянной и до странного комичной тщетностью пытается остановить кровь, бьющую фонтанчиками сразу из нескольких артерий. Когда он с хрипом выплевывает последние булькающие вздохи – или слова? – через разорванную трахею (он даже не заметил торчащий из груди тонкий нож-карандаш, хотя, возможно, тут дело в приоритетах), – я чихаю, внезапно и оглушительно.

Как будто у меня аллергия на кровь – что было бы некстати при моей-то профессии.

4

Пациент 8262

Утром ко мне на подоконник прилетела маленькая птичка. Сперва я ее услышал, затем открыл глаза и увидел.

Сегодня ясный, погожий денек, обычный для поздней весны; в воздухе пахнет свежей листвой и отшумевшим ночью дождем. Птичка, если мерить от клюва до хвоста, была меньше моей ладони. Оперение – коричневое в крапинку, клювик желтый, лапки черные, на крыльях – белые перышки. Пичуга поглядела в мою сторону, потом прыжком развернулась, приготовилась упорхнуть, но передумала. Она наклоняла и поворачивала крошечную головку, рассматривая меня блестящим черным глазом.

Кто-то прошаркал по коридору мимо открытой двери в мою палату и спугнул птичку. Вначале она нырнула вниз, пропав из поля зрения, после чего возникла опять. Несколько секунд она поднималась, энергично работая крылышками, – и вдруг крепко прижала их к телу. Напоминая крошечную пернатую пулю или падающий снаряд, она ринулась к земле, а вскоре опять раскинула крылья и усердно ими затрепетала, заново набирая высоту. Я потерял пичугу из виду, когда она растворилась в ярко-зеленом море листвы.

Мы существуем в бесконечности бесконечностей, и каждая мимолетная мысль или неосознанное действие влияют на наши жизни, прокладывая изменчивое русло сквозь мириады вероятностей бытия. Лежа в палате, я вспоминаю о действиях и решениях, из-за которых попал сюда, воссоздаю последовательность мыслей и событий, оканчивающуюся – в данный момент – на том, что дела важнее и конструктивнее, чем размышлять обо всей этой цепочке случайностей, у меня нет. Столько времени на раздумья я еще не тратил никогда. Больничная койка, палата, обстановка в клинике весьма этому способствуют. Здешние декорации внушают спокойствие, создают впечатление чего-то незыблемого и надежно обслуживаемого, без видимых признаков упадка, энтропии. Я чувствую не угасание, а свободу мысли.

В Детройте я играл в пинбол, в Йокогаме – в пачинко¹⁵, в Ташкенте – в багатель¹⁶. Все три игры завораживали меня непредсказуемостью, которую порождала четко выстроенная, филигранная система, когда блестящие стальные шарики, отскакивая в разных направлениях, в конце концов неизменно поддавались силе гравитации.

Аналогия с человеческой жизнью тут, пожалуй, даже слишком очевидна. Игра в общих чертах показывает нам, что такое судьба и как мы ей следуем. Аналогия, конечно, приближительная, ведь наша среда обитания гораздо сложнее, нежели булавки, бамперы и стенки, от которых со стуком отскакивают шарики. Наша жизнь больше походит на перемещение броуновских частиц в дымовой камере, к тому же мы хотя бы номинально обладаем свободой воли, – однако в качестве упрощенной модели игра в пинбол вполне годится. Так мы можем составить представление о вещах, которые слишком грандиозны, чтобы понять их в первоначальном виде.

Когда-то я много путешествовал, выполняя поручения организации, именуемой «Надзор». Это было моим призванием. Тем, к чему я стремился, к чему меня готовили другие люди и судьба. Я странствовал по многим мирам, катался на гребне переменчивого, бесконечно ветвящегося бытия, скользил сквозь спектры стабильного/нестабильного, замкнутого/открытого,

¹⁵ *Пачинко*, или патинко, – популярный в Японии игровой автомат, нечто среднее между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом.

¹⁶ *Багатель* (от фр. *bagatelle* – «безделушка») – зародившаяся при дворе Людовика XIV игра, от которой произошел современный пинбол. Изначально это была усложненная версия бильярда с воткнутыми в стол булавками. После удара шар отскакивал от булавок и попадал в лузы. Существует несколько вариантов багатели, отличающиеся размером игрового поля, количеством шаров и особенностями правил игры. Иногда вместо булавок используются деревянные колышки.

банального/экстравагантного, дружелюбного/жестокого и так далее; познал все градации шкал, которые мы выработали, чтобы оценивать и систематизировать миры или группы миров. (Мир, где я сейчас нахожусь, – стабильный, замкнутый, банальный, дружелюбный. Ваш мир такой же, только ближе к жестокому концу спектра. Причем изрядно. К несчастью, у вас была всего одна митохондриальная Ева¹⁷, и покладистым нравом она, похоже, не отличалась. Может, вулканы так на нее повлияли или что-то еще.)

Конечно, здесь я никому об этом рассказать не могу, хотя, признаюсь, подумывал. Если не на родном языке, то на английском или французском, которые хорошо изучил и активно использовал во время службы. С большой вероятностью никто бы не понял ни слова, но все равно это было бы опрометчиво. Я стараюсь не расслабляться, даже в мелочах. До сих пор я боялся и подумать о прошлой жизни, хотя теперь полагаю, что мною двигали предрассудки.

Рано или поздно воспоминания меня настигнут.

Надеюсь, та птичка вернется.

Эдриан

Полагаю, мистер Нойс в каком-то смысле заменил мне отца. Честный малый, чего тут добавишь? Как говорится, «старые деньги» – на тот момент я еще не обзавелся такими знакомствами в Сити. Да и в принципе, честных людей встречал нечасто.

Я продавал его сыну Барни столько снега, что засыпало бы весь город, хотя мистер Н. вряд ли был в курсе. Нет, понимал, конечно, что парень у него знатный нюхач, ну, или догадывался – умный же дядька, мозги на месте, – просто едва ли Барни рассказывал, кто именно подгоняет ему львиную долю наркоты.

Когда я решил заняться чем-то более респектабельным, то чуть ли не первым делом предложил Барни в качестве ответной услуги свести меня с отцом. Барни крупно мне задолжал, и вместо того, чтобы потребовать деньги, я напросился к ним на загородный уик-энд в кругу семьи. Я думал, Барни отметит эту затею, а он, наоборот, за нее ухватился: «Конечно-конечно! К нам куча народу приедет на выходные. Ты тоже подгребай. Почему бы и нет?» Я даже испугался, не продешевил ли, но решил плыть по течению.

Мы с Барни хлестали «Боллингер» в недавно открытом шампань-баре в Лаймхаусе: вокруг блестящий хром и состаренная кожа, мы оба нервные и болтливые, после того как закинулись коксом. Все время барабаним пальцами по столу, неистово киваем и прочая лабуда. Я принял куда меньше, чем он, но для меня обычное дело – подражать тем, кто рядом, пусть даже по факту я совсем в другой кондиции. Однажды меня назначили трезвым водителем, и я всю ночь не пил ничего крепче минералки с газом – и никакой наркоты! – а в итоге ребята отобрали у меня ключи от машины, потому что я путался в словах, нервно хихикал и лыбился.

То же и с порошком. Я принимаю немного, чисто за компанию, пока друзья закидываются по самое не могу, а в итоге становлюсь таким же дерганным и взбудораженным, как они.

Фишка в том, что я быстро прихожу в норму, понимаете? Стоит кому-то заподозрить, будто я тайком подливаю водку себе в «Перье», как я мгновенно трезвею, и мои спутники охотно доверяют мне машину. Но минусы тут тоже есть, ведь меня принимают за актеришку, который издевается над другими, притворяясь пьяным. Людей такое бесит. Особенно бухих, конечно. Пару раз доходило до стычек. Вообще-то у меня и в мыслях не было кого-то задеть. Я вел так себя ненамеренно. Это просто случалось, и все. В общем, я научился приглушать эффект, как будто я пьян/под веществами, однако избавиться от него совсем не мог.

– Что за люди приедут? – полюбопытствовал я.

¹⁷ Митохондриальная Ева – женщина, от которой все современное человечество унаследовало митохондриальную ДНК. Жила на территории Африки около 200 000 лет назад. Эта женщина стала единственной в своем поколении, чьи потомки по женской линии дожили до наших дней.

– Понятия не имею.

Барни улыбнулся девицам, сидевшим за соседним столиком.

По части женщин он явно давал мне фору. Еще бы, куда brunetu среднего роста вроде меня против высоченного блондина? Он ходил в качалку, однако его лицо казалось пухловатым, как бы намекая, что без ежедневных тренировок он быстро поплывет. Ну, или без кокса. Я же слыл подтянутым.

– Просто люди, – хмуро зыркнул он на меня, не переставая при этом улыбаться. – Люди как люди, понятно?

– Да уж, бро, – усмехнулся я, – такого подробного ответа я давно не слышал. Понятнее некуда! – С ним я изображал парня с улиц, поэтому и сказал «бро».

– Я правда не знаю, кто именно, – отмахнулся он.

– Бомжи? Короли? – Меня бесило, что мы топчемся на месте.

– Да твою ж мать, – проворчал Барни. – Откуда мне знать, что за люди! Обычные. Такие, как я или ты. Ну, может, не как ты, но люди! – раздраженно закончил он, покосившись на дверь в мужской туалет.

С последней закидки не прошло и пятнадцати минут, а ему уже добавку подавай!

– Люди, значит, – хмыкнул я.

– Люди.

Похлопав по карману, где лежал пакетик с дурью, он выразительно мне кивнул.

Барни всегда плоховато ладил с конкретикой. Эта черта помимо прочих делала его неважным трейдером. Ну и чрезмерная тяга к коксу тоже.

– Ты про ближайшие выходные? – уточнил я.

– Да.

– Уверен, что для меня найдется местечко?

– Конечно! – фыркнул он. – Будет тебе целая сраная комната!

Комнат оказалось много, потому что приехал я в хренов особняк – Спетли-холл в Саффолке, рядом с городком Бери-Сент-Эдмундс. На въезде в такие поместья обязательно видишь красивые, хотя и заброшенные ворота с башенкой, словно из какой-нибудь сказки, а дальше поневоле задумываешься, нет ли тут вселенского подвоха, ведь парки с беседками и луга со стадами оленей все тянутся и тянутся, а никакого жилья на горизонте нет.

Затем вдали показывается облепленная статуями и урнами каменная громада с вытянутыми, богато украшенными окнами, напоминающая мини-копию Букингемского дворца, и ты понимаешь, что вот, наконец-то, и дом. На крыльце, однако, ни дворецкого, ни лакея. Паркуйся как хочешь, ага.

Хотя с сумками мне все же помогли, когда я дотащился по лестнице до парадных дверей. Слуга даже извинился за то, что не встретил меня раньше, – разводил по комнатам других гостей.

Вообще-то эти владения принадлежали миссис Нойс. Она была из какого-то там рода с двойной фамилией, настоящей Леди с большой буквы «Л», и, выйдя замуж за мистера Н., унаследовала семейное поместье.

В те выходные в Спетли-холл съехались по меньшей мере двадцать гостей. Сомневаюсь, что хоть раз застал их всех в одном месте. Миссис Н. – милая седовласая дамочка, совсем ненапыщенная и по-настоящему элегантная – пыталась созвать нас на завтрак и ужин, но одной паре надо было вечером в Лондон, еще кто-то простудился, а чьи-то дети рано ложились спать, ну и тому подобная фигня, поэтому кворум у нас не собрался ни разу.

Кстати, вопрос про королей, который я задал Барни, оказался в каком-то смысле пророческим: в Спетли-холл приехал один из дальних родичей монаршей семьи и его родовитая подруга.

Свою тогдашнюю главную страсть – танцовщицу по имени Лисанна – я с собой не взял. Она, конечно, была красоткой: ноги от ушей, роскошные длинные волосы – натуральный блонд! – однако ее ливерпульский говорок царапал, как нож по стеклу. Да и отвлекала бы она меня, чего уж там.

К тому же Лисанна относилась к тем девушкам, которым плохо удается скрывать, что они не прочь найти себе партию получше. В сравнении с ее бывшим – тоже дилером, но на пару ступеней ниже, – я однозначно выигрывал, однако заблуждением, будто никого круче ей не сыскать, не страдал. В месте вроде Спетли-холла, полном воротил и богатеев, Лисанна легко поддавалась бы соблазну, несмотря на все заверения, что она моя навеки. Попала бы в неловкую ситуацию, а то и выставила себя душой. Заодно и меня бы опозорила, и все бы закончилось плачевно.

Еще хуже, конечно, если бы она добилась своего: захомутала бы какого-нибудь богатенького фраера, а я бы остался один, как лох. Тоже так себе перспективка, ага?

За разговором на эту тему я и сошелся с мистером Нойсом. В субботу поздно вечером мы с ним вдвоем играли в английский бильярд – это вроде снукера для богатеев. Все прочие отправились спать, я же был вполне себе бодрячком, хотя никаких веществ не употреблял.

– Ты правда так спокойно к этому относишься, Эдриан? – спросил мистер Нойс, натирая кончик кия зеленым мелом.

Затем он сдул лишнее и улыбнулся. Мистер Н. был крупным, представительным мужчиной, довольно подвижным, несмотря на комплекцию. Соломенного цвета волосы – с проседью; брови – черные и кустистые. Он носил массивные очки, которые тогда еще не вышли из моды. Прибавьте сигару – и получится вылитый Граучо Маркс¹⁸.

Строгие пиджаки мы повесили на спинки стульев. Когда он ослабил бабочку на шее, я расстегнул свою, мысленно сделав пометку купить настоящую, как у него. Париться с тем, чтобы завязывать ее перед ужином, я бы, конечно, не стал, но мог бы принести ее с собой в кармане, а надеть ту, что с застёжкой. А под конец вечера заменил бы поддельную бабочку развязанной настоящей – пусть себе болтается. Смотрелось бы куда элегантнее. Как и его жена, отец Барни в официальной одежде, в которой большинству из нас было бы до ужаса неловко, выглядел абсолютно естественно.

В тот уик-энд я убедился, насколько богатеи любят наряжаться. Хотя при этом соблюдают строгие нормы. У них есть специальные костюмы для утренних и вечерних выходов, для ужина, верховой езды и охоты (разные комплекты для разных видов охоты, не говоря уже о рыбалке), для круизов на яхте, просто загородных прогулок, кратких визитов в соседний городок и, конечно, для выездов в Лондон. У них даже повседневная одежда становится Повседневной Одеждой, а не просто удобными вещами, в которых мотаешься туда-сюда.

– Вы об отношениях, мистер Нойс?

– Пожалуйста, зови меня Эдвардом. Да, об отношениях. – Его низкий голос звучал мягко, но не слащаво, а солидно. – Твои взгляды крайне далеки от романтики, не находишь?

Ухмыльнувшись, я ударил кием по белому шару, заставив его со стуком отскочить от бортика. Я без труда понял правила английского бильярда, хотя он по-прежнему казался мне довольно бестолковым.

– Вы разве не согласны, что все в этом мире продается и покупается, Эдвард?

– Ну... Есть и такое мнение, да.

– Не думал, что вы станете возражать – при вашей-то работе, – удивился я.

Мистер Н. был старшим партнером в одной из самых известных брокерских компаний Сити и, как поговаривали, ворочал миллионами.

¹⁸ *Джюлиус Генри «Граучо» Маркс* (1890–1977) – американский актер и комик. С четырьмя братьями участвовал в комик-труппе «Братья Маркс». Сценический образ Граучо включал густые черные брови и усы, а также очки и сигару.

– Для меня деньги – это всего лишь деньги. – Он ударил по шару и на миг застыл, любуясь результатом. – Странно было бы думать иначе. Да и довольно затратно, полагаю.

– Но ведь жизнь устроена как рынок, разве нет? – возразил я. – Сами смотрите: люди рассказывают себе сказочки про настоящую любовь и иже с ней, а когда доходит до дела, каждый довольно ясно видит собственную ценность на брачном рынке. Ну, или любовном – называйте как хотите. Понимаете, о чем я? Страшным людям хватает ума не подкатывать к красивым – сразу понятно, что получают от ворот поворот. Красивые люди тоже видят свое место в иерархии. Это как в турнире по сквошу¹⁹. – Я широко улыбнулся. – Каждый знает свое место. Вы можете бросить вызов тому, кто вас немного опережает, или принять вызов от того, кто немного отстает. А если прыгнете выше головы – опозоритесь. Как-то так.

– По сквошу, говоришь? – повторил мистер Н., после чего со вздохом ударил по шару.

– Дело в том, – продолжил я, – что люди начинают с той социальной ступени, где родились, а затем могут подняться выше за счет внешности. Ну, или за счет наглости, уверенности в себе. Или за счет таланта. Так происходит с футболистами. С известными актерами. С рок-звездами. С диджеями и прочими знаменитостями. Так им достаются деньги и слава. Загвоздка в том, что красота не вечна, да? Особенно у женщин. Красота может открыть все двери, если умело ее применять. Девушка вроде моей Лисанны прекрасно знает, что красива. Знает, как использовать свою внешность, и вовсю использует. Да и флаг ей в руки. Она думает, что добьется лучшего, чем я. Чем я в данный момент. Поэтому ухватит любую возможность продвинуться, улучшить свое положение. Что ж, все честно. Хотя, конечно, есть и риски. Это чем-то напоминает скалолазание. Таким, как она, важно хорошенько проверить следующий уступ, прежде чем убрать ногу с предыдущего.

– Скорее, уж похоже на лотерею.

Я усмехнулся, хотя не понял, шутит он или нет.

– Разве я вправе винить Лисанну? – добавил я. – Ведь если я найду девушку симпатичнее или такую же красивую, но чуть умнее и более утонченную – то, скорее всего, отправлю Лисанну в отставку. – Я развел руками и одарил мистера Н. фирменной «свойской» улыбочкой. – Все по-честному.

– Для тебя, полагаю, шаг на ступеньку выше означает больше денег? – уточнил мистер Н.

– Разумеется, Эдвард. Деньги правят миром, разве нет? Жизнь – это игра, и побеждает тот, кто умирает, забрав больше всего призов. Не знаю, кто это сказал, но очень в точку, согласитесь?

– И все же... – протянул мистер Н., – советую быть осторожнее. Одно из самых мудрых изречений, которые я слышал за всю жизнь, звучало так: если тебя заботят только деньги, то лишь деньги будут заботиться о тебе. – Он перевел взгляд на бильярдный стол. – Суть, полагаю, в том, что если не думать о других, то, когда ты станешь старым и немощным, рядом останутся только наемные сиделки да аферисты, охочие до чужих денег.

– Дожить бы до старости, а там видно будет, – хохотнул я.

Мистер Н. подошел к столику с напитками и отхлебнул немного виски.

– Надеюсь, вы оба понимаете, на что подписались. – Он склонил голову набок. – Она это точно понимает? Ты с ней говорил?

– Это вроде как... само собой разумеется, – пожал плечами я.

– Неужели? – усомнился мистер Н.

Я кивнул:

¹⁹ *Сквош* – английская спортивная игра с ракетками и мячом в закрытом помещении, вроде тенниса, но без сетки. Игроки стоят на одной стороне корта и отбивают мяч от стенок. Турниры устроены по «пирамидальному» принципу: участники распределяются по ступеням пирамиды, и цель каждого – попасть на самый верх, для чего нужно победить того, кто находится выше тебя. Проигравший не выбывает, а опускается на ступень ниже, из-за чего такие турниры могут продолжаться бесконечно.

– Всем и так все ясно.

– А как же любовь? Найдется ли для нее место в столь меркантильной системе ценностей?

– Ах, любовь! – мечтательно воскликнул я. – Она приходит, и все. Плюет на правила. Это другой уровень. Как босс в игре. В общем, никто не застрахован.

Мистер Н. с усмешкой ударил кием по шару.

– Если уж начистоту, – продолжил я, – при всем моем к вам уважении, Эдвард, вы можете позволить себе такие взгляды, потому что вы, как бы это сказать... уже всего добились. Понимаете, о чем я? – Лицом я показал, что не хочу его задеть и вовсе не завидую – просто делюсь соображениями. – У вас чудесная жена, семья, важная работа, загородный дом, квартира в Лондоне, лыжи в Клостерсе²⁰, яхта в Средиземном море... все, что пожелаете! Вы благосклонно взираете на остальных с Олимпа, разве нет? А я... еще карабкаюсь где-то у подножия. Увязая ногами в камнях.

Он рассмеялся.

– Почти все мы здесь барахтаемся, – продолжил я. – Просто не все это признают. Главное – видеть, как обстоят дела в реальности. Стремиться за тем, кто впереди. Вот и все.

– И как твои успехи, Эдриан?

– Спасибо, неплохо.

Я занес кий. Опять бестолковое мельтешение и клецанье.

– Прекрасно. Рад за тебя. Барни очень хорошо о тебе отзывается. Напомни, чем ты занимаешься?

– Веб-дизайном. У меня своя студия.

Чистейшая правда, разве что на сто процентов выдуманная.

– Что ж, надеюсь, у тебя все получится. Только учти: успех, даже самый громкий, от всех проблем не избавит. – Он оценивающе оглядел стол.

– Это понятно. Каждый несет свой крест.

Мистер Н. нанес удар кием и медленно распрямился.

– Что скажешь о Барни? – поинтересовался он, неподвижно наблюдая, как шары со стуком мечутся по сукну, затем сосредоточенно натер кий мелом.

«Ага», – подумал я и решил не отвечать сразу, а ударил по шару и только затем проговорил:

– Он отличный парень. С ним весело. Вот только... – Я изобразил легкое огорчение, а встретив взгляд Эдварда, вздохнул: – Друзей он выбирает довольно сомнительных. Я не о присутствующих, конечно, – с усмешкой добавил я.

Мистер Н. не улыбнулся.

– Меня беспокоит, не слишком ли Барни расслабился. – Он вновь наклонился над столом. – Я разговаривал с его коллегами из «Бэрнс-Фэплиш»...

Брокерская контора, где работал Барни. Мистер Н. решил, что не стоит устраивать сына в собственную фирму сразу после выпуска – не так поймут. Барни сам мне рассказывал, что ему потребовалось немало дополнительных занятий, чтобы после Итона поступить в Оксфорд, и то он едва наскреб на 2,2. Что бы это ни значило. Я думал, что это калибр какой-нибудь пневматической винтовки.

– Они слегка озабочены, – продолжил мистер Н., – что Барни приносит им меньше прибыли, чем хотелось бы. С этим нужно что-то делать. Времена изменились. Когда-то любой дурак мог стать брокером, и многие становились. Теперь простого желания мало. – Он улыбнулся одними губами; глаза остались серьезными. – А ведь на кону – репутация семьи.

– В молодости мы все немного шальные, разве нет? – заметил я.

Эдварда, похоже, мои слова не успокоили.

²⁰ Клостерс – горнолыжный курорт в Швейцарии.

– Придет время, и он себя покажет, – сказал я со знающим видом.

Подобная чушь звучала от меня довольно убедительно, поскольку я был немного старше Барни.

– Послушайте, мистер Нойс, Эдвард... – Положив кий на стол, я скрестил руки на груди. – От парня всегда ждут большего, если он – сын успешного отца. Согласны? Он на вас равняется, точно вам говорю. А вы, ну... Вас не так-то просто превзойти. Наверняка это тяжело – жить в вашей тени. Может, с вершины Олимпа и не видно – но так оно и есть.

Мистер Н. улыбнулся. По-моему, немного печально.

– Пожалуй, соглашусь, что Барни нужны друзья понадежнее, – произнес он, нацелив кий. – Я, наверное, прозвучу как эдакий викторианский отец-патриарх, но немного муштры моему сыну не помешало бы.

– Думаю, вы правы, Эдвард. Мне кажется, Барни чересчур добродушный.

– Добродушный?

– Ему слишком легко все досталось, вот он и считает мир более приятным местом, чем на самом деле. Ждет, что все будут такими же довольными и беззаботными, как он. – Я склонился над столом. – Так думать опасно.

– Быть может, ты преподашь ему несколько жизненных уроков?... Ого, неплохой удар!

– Спасибо! Да, я мог бы, пожалуй, – кивнул я. – Вообще-то, я уже пытался, но теперь займусь этим плотнее. Если вы не против. Не уверен, что он меня послушает, но попытка – не пытка.

– Буду очень благодарен, – сказал мистер Н.

– Сочту за честь, Эдвард.

– Гм-м... – задумчиво протянул он, – в следующем месяце мы едем в Шотландию на охоту. Барни с Дулсимой обещают побыть там первую неделю, хотя, боюсь, он снова в последний момент откажется. Думаю, он считает нас занудами. А ты, Эдриан, умеешь стрелять?

(Отлично! Я уговорю Барни поехать, пообещав ему целую неделю отменного кайфа, а сам еще ближе сойду с мистером Н.!)

– Никогда не пробовал, Эдвард.

– Обязательно попробуй. Может, составишь нам компанию?

Мадам д'Ортолан

Мистер Клейст решил, что, учитывая обстоятельства, леди приняла известия, на удивление, спокойно. Ведь он сделал то, о чем и помыслить не смел за те несколько лет, что на нее работал, – побеспокоил ее, когда она была за туалетом. Пригласив его в будуар, леди продолжила наносить макияж. Он встал позади, глядя на нее в зеркало туалетного столика.

Перед встречей с помощником мадам д'Ортолан накинула пеньюар, однако мистер Клейст обнаружил, что стоит ему опустить глаза – и его взгляд упирается в весьма откровенное декольте. Он отступил на полшага назад, чтобы избавить обоих от конфуза. Между ними никогда не было отношений подобного толка. Тем не менее, когда из-под табурина, на котором сидела хозяйка, вылез кот по кличке Месье Пампельмус, в его взгляде мистеру Клейсту почудилось осуждение.

Мадам д'Ортолан вздохнула.

– Ну, что там с Хармайлом?

– Боюсь, он...

– Мертв?

– Вне всякого сомнения, мадам.

– Похоже, наш паровозик совсем сошел с рельсов.

– Я бы сказал, мадам, поехал по другому пути в абсолютно неверном направлении, да еще и набирая скорость.

Мадам д'Ортолан смерила мистера Клейста испепеляющим взглядом, от которого поежилась бы львиная доля мужчин. Мистер Клейст, однако, был не из робких.

– Надеюсь, мы его не упустили?

– Только что получил отчет. Двое из пяти заявляют, что им удалось – образно выражаясь – запрыгнуть в последний вагон. В любом случае, его следующую транзицию отследить будет гораздо легче.

– Доставьте его сюда, – велела она. – Живым, но не обязательно невредимым.

Мистер Клейст понимающе кивнул.

– А также пройдите по намеченным целям. По всем без исключения. Немедленно, – добавила она, когда он снова кивнул, и взяла расческу.

– Будет сделано, мадам.

Уходя, мистер Клейст попытался как бы ненароком задеть Месье Пампельмуса ногой. Кот играючи увернулся и с некоторой долей самодовольства мяукнул.

Транзитор

Чихаю, высмаркиваюсь, гляжу по сторонам. Это другая версия здания, где располагался клуб «Перинеум», в котором прямо сейчас, надо думать, лежит на полу, суча ногами, лорд Хармайл и с бульканьем в горле встречает кровавую смерть.

В моей нынешней реальности в доме на Вермин-стрит находится парфюмерный магазин. Обитых темным деревом стен почти не видно за узорчатыми ковриками и световыми панелями; в мягких, кремовых лучах поблескивают стеклянные полки с каплевидными флаконами. В воздухе витают чарующие женские ароматы, поэтому никто даже на йоту не удивлен, что я чихнул. Весьма обеспеченную клиентуру в основном составляют дамы. Одну-двух сопровождают кавалеры. Есть еще несколько мужчин без пары, помимо меня.

К своему удивлению, я разглядываю именно мужчин. Продавцы-консультанты в этом магазине по большей части очень привлекательные молодые люди. Один особенно приметный экземпляр – высокий и смуглый – улыбается, глядя на меня. Я улыбаюсь в ответ, чувствуя, как по телу пробегает легкая дрожь.

Что ж, ясно. Не скажу, чтобы мне нравилось быть геем, но, по крайней мере, я не начал пересчитывать щели в паркете. Похоже, ОКР я оставил позади – во всяком случае, пока. Из языков я теперь владею английским, испанским, португальским, французским, немецким и кантонским диалектом китайского, плюс еще парочкой по верхам.

Подхожу к зеркалу в полный рост и бегло окидываю взглядом свой внешний вид. Одет я почти так же, как при встрече с лордом Хармайлом (интересно, можно ли уже назвать его «покойным»?). Длинные темные волосы накручены по здешней моде, и эта прическа, не побоюсь отметить, мне чертовски идет. Неудивительно, что молодой продавец наградил меня улыбкой.

Я проверяю, нет ли на пальцах крови. Было бы странно, если б она обнаружилась, и все-таки лучше убедиться.

Ни пятнышка. У меня очень бледные руки с прекрасным маникюром, на каждой красуются по два кольца из серебра или белого золота.

Так, с внешним видом разобрались, и ладно. Грустно улыбаюсь на прощанье красавчику-продавцу и шагаю к двери, попутно проверяя, на месте ли бумажник, документы и бронзовая таблетница. Согласно моему британскому паспорту меня зовут Маркуанд Ис. Тут все в порядке. Бумажник набит крупными белыми банкнотами и несколькими ценными на вид кусками пластика со встроенными серебристыми чипами.

Вперед, на улицу. И снова нет дирижаблей! *Dommmage!*²¹

²¹ Какая жалость! (*фр.*)

Впрочем, над относительно низкими зданиями неспешно проплывает огромный самолет, держа курс на запад. Взмахом трости я подзываю кеб – рычащий горбатый драндулет (похоже, электрический) – и прошу женщину-шофера отвезти меня в аэропорт.

– В какой именно? – В зеркале видно, как она хмурится.

Ого, да тут у нас Большой Лондон, *Londres grande!* Прелестно.

– А куда сядет вон тот самолет? – указываю я тростью.

Женщина, прищурившись, высовывает голову в водительское окно.

– Видать, в 'Итроу.

– Значит, мне туда.

– «Туда» стоит денег.

– Не сомневаюсь. Едем же, ну!

Мы отъезжаем.

– Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, – бормочу я.

Похоже, это стало чем-то вроде мантры. Женщина-водитель косится на меня в зеркало.

– Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, – повторяю с ухмылкой.

– Ой, да ну вас.

Я устраиваюсь поудобнее и гляжу в окно на довольно тихое дорожное движение и весьма кричащую архитектуру. С тех пор, как я переместился – точнее, с тех пор, как убил лорда Хармайла, – мое сердце билось учащенно. Теперь же пульс потихоньку замедляется, что дает мне возможность спокойно поразмышлять.

Конечно, я задумываюсь о беднягах, которые расхлебывают последствия моих действий, особенно таких драматичных и неприглядных, как убийство. Интересно, каково им приходится? Считается, что они не подозревают о случившемся, пока я их не покидаю, хотя не факт, что на деле все именно так. Разве они могут не знать о том, что я заставляю их делать? Разве они не остаются со мной, когда я захватываю их тела, не наблюдают – испуганные и обозленные, – как я выполняю очередной приказ?

Или они правда ничего не понимают, а когда дело сделано, внезапно приходят в себя возле умирающего человека, с окровавленными руками и в окружении изумленных свидетелей? Как вообще можно выпутаться из такой ситуации? В ужасе отпрянуть? Воскликнуть: «Это не я!»? Вряд ли поможет. Беднякам лучше всего удариться в бег. А может, даже упасть замертво в тот миг, когда я их покидаю.

Я спрашивал о том, как это происходит, однако «Надзор» – в силу специфики организация весьма консервативная – ревностно оберегает свои тайны. Поэтому даже исследователи, техники и эксперты, чья работа – знать о подобных вещах, не спешат делиться информацией.

Есть люди, которые, несомненно, могут ответить на все мои вопросы и множество других. Мадам д'О., миссис М., доктор Плайт, профессор Лочелле, да и прочие члены Центрального совета. Не удивлюсь, если существует целый отдел в нашей конторе... хм-м... почему-то сейчас мне не хочется называть ее «Надзором». Я нахожусь в одном из миров, где ее называют *l'Expédience*²².

Что-то я отвлекся. Не удивлюсь, если целая группа специалистов изучает, что происходит, когда кто-то вроде меня захватывает контроль над человеком, уже существовавшим в другой реальности, однако боссы *l'Expédience* не включили меня в список тех, кому открыты результаты исследования.

А знать бы хотелось. Я проводил собственные небольшие эксперименты – копался в захваченных чувствах и воспоминаниях, пытаюсь нащупать след личности, которую заменяю.

²² «Избавление» (от фр. *expédier* – «отправлять», «сбывать с рук», «избавляться от чего-либо»).

Увы, до сих пор такой опосредованный самоанализ лишь убеждал меня, что подобные изыскания глупо было и затевать.

И так понятно, что я перенимаю отдельные черты характера у человека, чью личность замещаю. Отсюда, должно быть, и ОКР, и сексуальные предпочтения, и пристрастие, скажем, к чаю, кофе, шоколаду, молоку со специями, крепкому алкоголю, пресной или острой пище, черносливу...

Недавно я поймал себя на мысли, что многие годы наблюдаю за реальностью глазами обычного человека, будь то врач-терапевт, хирург, ландшафтный дизайнер, математик, инженер-конструктор, животновод, судебный юрист, страховой агент, владелец отеля или психиатр. Я уже привык постоянно менять профессии. Однажды я побывал проектировщиком канализационных систем и серийным убийцей по совместительству. (Знаю, что вы на это скажете, поэтому прошу вас быть снисходительнее и считать меня скорее ликвидатором. Согласен даже на наемного киллера, если так вам проще будет понять, что мною руководит сознательный выбор, а не дикие потребности психопата. Впрочем, соглашусь: мои жертвы вряд ли сочли бы этот нюанс существенным.) В тот раз я всеми силами подавлял желание душить проститутку, дабы выполнить миссию, которая заключалась в том, чтобы выследить и похитить (ха! Видите? Даже не убить!) определенного человека.

В то же время, я ни разу не побывал женщиной – немного подозрительное и досадное упущение. Очевидно, некие границы все же существуют.

Любопытно, используются ли тела, которые я посещаю, повторно? Я еще никогда не вселялся в одно и то же тело дважды – впрочем, я вообще редко возвращался в одну и ту же реальность.

До моего вторжения эти люди ведут полноценную жизнь. У них есть прошлое, карьеры, многочисленные связи – как личные, так и деловые. Все как у всех. Меня не раз приветствовали «мои» жены и девушки, «мои» дети и «мои» лучшие друзья, ни на секунду не смущаясь и ничем не намекая, что я веду себя странно или сам на себя не похож. Оказываясь в новом теле, я будто бы сразу понимаю, как держаться, и вживаюсь в чужую шкуру естественнее самого талантливого актера. А покопавшись в своей/чужой памяти, не нахожу там ни намека на прежние контакты с «Надзором» – или как его называют в конкретной реальности – и никакой подготовки к моему внедрению.

Я достаю из кармана пиджака маленькую бронзовую коробочку. Внимательно ее оглядываю. Думаю, в следующий раз я приму одну из лежащих внутри таблеток на высоте в десять километров над Атлантическим океаном, или над Альпами, или глядя в иллюминатор на Сахару. А может, подожду, пока самолет приземлится.

В любом случае, истинный принцип действия этих белых таблеточек – настолько маленьких, что три или четыре таких запросто уместятся на ногте мизинца, – мне неизвестен. Кто их производит и где? Кто их изобрел, впервые испробовал, протестировал?

Я вдавливаю кнопку на коробочке, и мне в ладонь выпадает самая обычная таблетка сахарозаменителя, какую человек, соблюдающий диету, добавил бы себе в чай или кофе (а после этого, как частенько бывает, уплел бы за обе щеки булочку с кремом). Эта таблетка почти такая же, как другие, особые – только без крошечного синего пятнышка по центру, едва заметного невооруженным глазом. Я приоткрываю коробочку и возвращаю подсластитель на место.

Сама таблетница изготовлена с отменным мастерством. Если использовать ее привычным образом, она исправно выдает вам подсластитель, пока он не заканчивается; лишь по особому взяв ее и надавив в нужном месте, вы получаете доступ к скрытому отделению, где таится настоящее сокровище. В этом случае из коробочки выпадает крохотная таблетка, позволяющая вам транзитировать – переноситься в другую личность и реальность.

Вопросы, сплошные вопросы... Я знаю, что должен думать: однажды я поднимусь до уровня мадам д'Ортолан и ей подобных и тогда получу ответы. Если разберусь со всеми, кто упомянут в выданном мне списке, – весьма вероятно, пойду на повышение. Это я тоже должен держать в уме. Правда, такая плотная череда устранений потребует полной отдачи, а вот успех отнюдь не гарантирован.

Так или иначе, к несчастью для мадам д'Ортолан, у меня нет ни малейшего желания убивать людей из списка. Напротив, я сделаю все возможное, чтобы их спасти (в определенном смысле начало положено). И действовать я буду не по приказу, а диаметрально противоположным образом.

Я уже встал на этот путь, ведь лорд Хармайл в списке не числился.

5

Пациент 8262

Не профессия, а песня! У меня и у тех, кто меня ищет. Мы с ними, в общем-то, коллеги. Хотя в прежние времена, если честно, мне не было равных. Мои устрания, особенно в мирах, расположенных на самом ярком конце спектра, отличались безумным изяществом, продуманной, но безудержной поэзией.

К примеру, пламенная кончина арбитража по имени Йерж Аусхаузер. А может, вам больше по душе мозговывносящий уход мистера Макса Фитчинга, фронтмена «Ган Паппи» – первой по-настоящему всемирной рок-группы, известной в таком количестве реальностей, что собьешься со счета? Или болезненная и, боюсь, затянувшаяся агония Мэрита Шауна – мотокаскадера, политика и бизнесмена?

Для Йержа на его ранчо в Неваде я приготовил особое джакузи, заменив воздух, подающийся в форсунки ванны, водородом. На баллонах с газом, которые я загодя спрятал под деревянным настилом, имелись радиоуправляемые клапаны. Я наблюдал за местом действия с другого конца мира с помощью цифровой камеры, закрепленной на подзорной трубе, компьютера на солнечных батареях и зашифрованного спутникового канала. Приборы я замаскировал в зарослях шалфея на склоне холма в миле от ранчо.

Датчик движения сообщил о включении гидромассажной ванны, когда я спал в гостиничном номере в Сьерра-Леоне. Сонно моргая, я заглянул в смартфон и увидел, как к джакузи, размахивая волосатыми ручищами, подходит Йерж Аусхаузер, в кои-то веки один. Я вскочил с кровати, вывел из спящего режима ноутбук, чтобы видеть все четче, и подождал, пока Йерж погрузится во вспененную воду.

На его лице – свирепая гримаса. Очередная дорогостоящая ночка за игорным столом? Обычно в такие дни он приводил с собой девчонку-другую, но этим утром, возможно, утомился. В прохладном воздухе видимость была прекрасная – не мешали теплые восходящие потоки. На моих глазах Йерж сунул в рот темный, удлиненный предмет, затем поднес к его кончику другой, поменьше. Сверкнул огонек. Толстые пальцы Йержа сжали «Гранд корону»²³. Выставив кадык, он откинул голову на подушечку, закрепленную у края ванны, и выдохнул первую порцию дыма в ясно-голубое небо Невады.

Я набрал код доступа к клапану, открывающему приток газа из баллонов с водородом. Через секунду за полпланеты от меня вода в джакузи неистово забурлила. Повалил пар, как при кипении, окутав пеленой сначала Йержа, а затем все вокруг. А уже через миг на том же месте вспыхнул изжелта-белый огненный шар, поглотивший и ванну, и деревянный настил. Даже в ярком утреннем свете полыхнуло знатно.

Удивительное дело: несколько мгновений спустя, когда столб ревушего огня взвился в небо – совсем как шлейф ракетных газов, только обращенный вверх, – из пекла, шатаясь, вывалился Йерж с объатыми пламенем волосами и почерневшей кожей, которая лоскутами свисала с тела. Он скатился с каких-то ступенек и затих, уже без сигары, но в некотором смысле продолжая дымить как паровоз.

Пока настил не загорелся полностью – к тому времени выбежавшие из дома работники Йержа оттащили босса в безопасное место, – дыма было мало: при сгорании кислорода и водорода получается лишь вода. Так что почти все изначальное облако дыма, которое прохладный

²³ «Гранд корона» – общее название сигар определенного формата. Это сигары той же длины, что и самый популярный формат «корона» (140–152 мм), однако содержат больше табачных листьев и потому толще.

утренний ветерок уже понемногу рассеивал, унося к серебрившимся вдалеке сьеррам²⁴, произвел самолично Йерж.

Ему диагностировали ожог девяноста пяти процентов поверхности тела и необратимые повреждения легких. На удивление, врачи еще без малого неделю поддерживали в нем жизнь.

Макс Фитчинг был божеством среди смертных – с ангельским голосом и повадками сатира. Я убил его в Джакарте, когда он сидел в оттюнингованном полугусеничном автомобиле без крыши, ожидая тур-менеджера, который пошел за наркотой. (Макс так толком и не научился скрывать свою внешность и путешествовать инкогнито.) Я использовал лазерную установку, созданную в Израиле, чтобы сбивать иранские ракеты, когда те еще летят над Сирией, а лучше – над Ираком. Выстрел произвел из фуры, припаркованной в квартале от машины Макса. Даже на минимальной мощности установка была слишком разрушительной для подобной задачи, и вместо того, чтобы проделать в Максовом лице – по-щегоольски бледном, прикрытом темными очками и занавешенном дредами, – аккуратную дырочку, она разнесла его голову на куски. Окна первых трех этажей в ближайших домах разлетелись вдребезги.

Да, это убийство изящным не назовешь. Скорее наоборот. Однако красота заключалась в другом: выстрел не представлял собой обычный импульс; я филигранно настроил его частотную модуляцию, чтобы сигнал передал цифровую информацию с mp3-записи, сжатой до микросекунды. Так что Макса, по сути, погубила mp3-копия песни «Проснул и заснул» – первого хита «Ган Паппи», который прогремел на весь мир и сделал певца по-настоящему знаменитым.

Мэрит Шаун был политиком-популистом вроде Перона²⁵, и надежные люди предупредили меня, что, если оставить все как есть, он погубит Южную и Центральную Америку, а затем и весь мир. (Как будто меня это волновало! Мое дело – выполнить задачу. О моральной стороне пусть беспокоятся те, кто отдает приказы.)

В прошлом Шаун прославился как самый известный в Бразилии и за ее пределами мотоциклист-каскадер. Он пережил много аварий, но это лишь приводило публику в восторг и щекотало ей нервы. Все четыре его конечности были пронизаны и укреплены большими объемами хирургической стали, хотя и без этого от количества металлических имплантов в его теле детекторы в аэропорту начинали бить тревогу, еще когда Шаун, прихрамывая, выходил на парковку.

Для него я приготовил индукционную печь. Он медленно поджарился изнутри, слушая гудение магнитов вокруг и собственные крики.

...У вас какие-то вопросы? За что, за что и еще раз за что? Я знал причины, только если о них сообщали, и даже когда сообщали – мне было все равно. (Удивительно, что я запомнил информацию, приведенную ниже.)

Итак, Йерж основал бы политическую партию, намереваясь очистить США от неарийцев, что привело бы к хаосу и войне апокалиптических масштабов. Макс вложил бы все свои сотни миллионов в экстремистское движение «зеленых», участники которого применили бы довольно радикальный подход к гармонизации объема ресурсов планеты с размерами ее населения – потратили бы свалившееся на них богатство на создание и распространение вируса, губительного для девяноста процентов человечества. А Мэрит использовал бы свою огромную телекоммуникационную сеть, чтобы... не помню... отправить порнографию на Андромеду? Да без разницы!

Как я уже сказал, меня это особо не заботило. К тому моменту я давно перестал задаваться вопросом, почему совершаю столь вопиющие деяния. Меня волновали лишь мастерство и красота исполнения.

²⁴ Сьерра (от исп. *sierra* – «горная цепь», букв. «пила») – составная часть названий горных хребтов в Испании и странах бывшей испанской колонизации; в данном случае имеется в виду горный хребет [Сьерра-Невада](#).

²⁵ Хуан Доминго Перон – военный и государственный деятель, президент Аргентины с 1946 по 1955 и с 1973 по 1974 гг.

Красота экзекуции.

Философ

Крики. Несмолкающие крики. Из-за них я не сплю по ночам, из-за них вскакиваю с кровати, не досмотрев приятные или кошмарные сны.

Моя работа удовольствия мне не приносит. Я ее не стыжусь, но не сказал бы, что горжусь собой. Работа нужная, и кто-то должен ее выполнять. А удовольствия она не приносит, потому что я хорош в своем деле. Я видел, как работают те, кто наслаждается процессом, – высоких результатов они не показывают. Слишком увлекаются, потакают своим низменным инстинктам, отклоняясь от поставленной задачи, которая состоит в том, чтобы достичь нужного итога и вовремя понять, что он достигнут. Чрезмерное рвение заставляет их терпеть неудачу.

Я пытаю людей. Я профессиональный мучитель. Однако я не выхожу за рамки приказа и сам хочу, чтобы те, кого я допрашиваю, быстрее сознались или выдали нужную информацию, дабы избавить себя от мук, а меня – от неприятной работы, ведь, как я уже говорил, я не испытываю от нее ни малейшего удовольствия. Тем не менее я выполняю все, что требуется, и, если нужно, всегда готов трудиться сверхурочно и брать дополнительные смены. В общем, проявляю ответственность и в некотором смысле сострадание, ведь если за дело возьмусь я, то, по крайней мере, ущерба будет минимум. Некоторые из моих коллег, о ком я уже упоминал – те, что наслаждаются процессом, – спешат сразу причинить как можно больше боли и увечий. От такого толку мало.

Кто похитрее – притворяются, что вовсе не психопаты, и лишь изредка дают себе волю, в остальное время выполняя работу монотонно и эффективно. Эти – самые опасные.

В качестве методов я предпочитаю электричество, многократное придушивание и, как ни трудно вам будет поверить, обычный разговор. Электричество – по сути, самый грубый способ. Мы используем переменные резисторы и разнообразные провода зажигания для машин и газонокосилок. Иногда добавляем немного воды и контактного геля. Зажим, с помощью которого провод крепится к телу, и без тока причиняет неслабую боль. В качестве точек крепления отлично подходят уши, пальцы рук и ног. И гениталии, разумеется. Некоторые мои коллеги предпочитают один провод подвести к языку или носу, а другой засунуть в задний проход, но последующий бардак мне претит.

Многократное придушивание, о котором я обмолвился выше, работает так: сперва субъекту заклеивают широким скотчем рот; затем кусочком поменьше заклепляют ноздри и убирают его, только когда жертва теряет сознание. Этот метод применяют к мелким сошкам и тем, кого нужно передать в другой отдел или в другую службу безопасности, а некоторых и отпустить, без видимых повреждений.

Метод разговора подразумевает рассказ субъекту о том, что с ним случится, если он не окажет содействие. Лучше всего вести беседу в темной комнате, говорить тихо и строго по делу, стоя позади стула, к которому человек привязан. Для начала я описываю, что будет при любом раскладе, даже если субъект расколется, так как есть определенный минимум, некая стандартная порция боли, которая ждет любого, кого нам передали. Это ради поддержания репутации – чтобы наводить ужас на всех, кто о нас услышит. Страх пыток – весьма действенный стимул соблюдать закон и порядок. Не внушая этот страх, мы нарушили бы служебный долг.

Затем я рассказываю субъекту, как могу на него воздействовать: о напряжении тока, симптомах асфиксии и прочем. Я достаточно подробно знаком с физиологией и нередко вво-
рачиваю медицинские термины.

На следующем этапе я описываю методы, которыми пользуются мои коллеги. Упоминаю человека с кодовым именем Доктор Цитрус. Весь его инструментарий состоит из листа бумаги формата А4 и свежего лимона. Бумагой он наносит на обнаженное тело субъекта множество – несколько десятков – мелких порезов, на которые затем капает лимонным соком. Или посы-

пает их солью. Как и многократное придушивание, большинству людей такой метод не кажется столь уж кошмарным, однако, по статистике, это чуть ли не самая эффективная техника в нашем арсенале. Конечно, одним листом бумаги мой коллега не обходится, ведь край любого листа в конце концов размягчается от пота и небольшого количества крови. У Доктора Цитруса всегда под рукой целая пачка.

Некоторые мои коллеги предпочитают проверенные временем способы пыток: тиски для пальцев, клещи, плоскогубцы, молотки, определенные кислоты и, разумеется, огонь – открытое пламя или просто нагревание; в ход идут газовые горелки, паяльники и паяльные лампы, горячий пар и кипяток. Порой, когда другие способы не сработали, мы прибегаем к экстремальным мерам. После этого субъект навсегда остается изувеченным, да и процент выживаемости, даже если информация получена, не очень высок.

Еще один наш парень любит использовать коктейльные палочки из дерева – втыкает их в мягкие ткани тела. Он тоже беседует с субъектом, воздействуя на него психологически. Садится напротив и перочинным ножом делает на палочках крошечные засечки, призванные усилить боль, когда орудие будут втыкать и вынимать – если вытащат вообще. Больше часа он сидит перед огромной грудой палочек, стругая их перочинным ножиком и размышляя вслух, куда именно их воткнет. У него тоже кое-какая медицинская подготовка за плечами, поэтому он делится с субъектом своей теорией, что его техника в каком-то смысле противоположна акупунктуре, когда иглы вводятся максимально безболезненно с целью облегчить самочувствие пациента.

Такая подготовительная беседа уже сама по себе может заставить субъекта сотрудничать, хотя, как я упоминал, мы в любом случае причиняем некий минимум боли – убеждаемся, что полное содействие точно достигнуто, а также подтверждаем серьезную репутацию нашего учреждения.

Мой собственный метод ведения беседы я во многих отношениях считаю лучшим. Мне нравится его лаконичность. Особенно хорошо этот способ действует на интеллектуалов и творческих личностей, потому что воображение у них весьма богатое и, как следствие, выполняет часть работы за меня. Некоторые из этих людей даже сами в курсе этого феномена, хотя подобное осознание вовсе не лишает методике эффективности.

Женщин я допрашивать не люблю. Довольно очевидная тому причина – крики. Они напоминают мне о ночи-которую-невозможно-забыть, когда отец изнасиловал мать, стоило ей вернуться из роддома. Тем не менее я предпочитаю думать, что дело заключается в старых добрых манерах. Джентльмен никогда не подвергнет даму чему-то неприятному. Впрочем, меня это не останавливает; кто-то ведь должен пытать и женщин, а я добросовестный профессионал, однако сам процесс мне нравится еще меньше, чем работа с субъектами мужского пола, и мне не стыдно признаться, что некоторых женщин я умоляю – в буквальном смысле этого слова – пойти на сотрудничество как можно быстрее. А также я ничуть не стыжусь того факта, что при особенно напряженной работе с женщинами у меня на глаза наворачиваются слезы.

Заклеенный скотчем рот, независимо от других методов, хорошо приглушает крики, превращая их в носовые стоны, которые, к моему облегчению, звучат в разы тише.

А вот дети для меня – табу. Кое-кто из коллег охотно готов пытать ребенка, чтобы развязать язык родителям, однако, на мой взгляд, этот подход неприемлем с моральной точки зрения и ненадежен в принципе. Дети не должны страдать из-за убеждений или глупости своих отцов и матерей. Ведь методы, которые мы применяем к субъектам, по сути, служат наказанием за подрывную деятельность, предательство и нарушение закона, и поэтому должны применяться к виновным, а не к их родным и близким. Рано или поздно раскалываются все. Все без исключения. А использовать ребенка, чтобы этот процесс ускорить, – грязно, примитивно и попросту непрофессионально.

В основном из-за этих душевных метаний – а еще потому, что я считаю интересным и поучительным дискутировать с коллегами вроде упомянутых ранее, – в отделе мне дали кодовое имя Философ.

Транзитор

Я живу в швейцарии. Да, именно так, со строчной буквы.

Конкретно моя швейцария даже не зовется Швейцарией, однако это типичное, узнаваемое место со своим характером и предназначением, которое с легкостью считают все Посвященные. Те, кто имеет представление о реалиях реальностей. Быть Посвященным – значит осознавать, что мы живем не в одном-единственном мире – неизменном и линейном, – а среди огромного многообразия миров, число которых со временем стремительно растет. А еще важнее – понимать, что между этими разноликими, ветвящимися и плодящимися реальностями можно путешествовать.

Старый коттедж, где я живу, стоит на поросшем соснами склоне с видом на маленький, но с претензией курортный городок Флесс. К западу от него волнами изгибаются покрытые зеленью холмы. К востоку, за моим домом, склон, обрастая скалистыми выступами, взмывает вверх и завершается зубчатым горным хребтом, таким высоким, что снег на его вершинах не тает круглый год.

Флесс очень компактен: вы окинете его целиком одним беглым взглядом с моей веранды. Тем не менее он может похвастаться оперным театром, казино, вокзалом с крупным железнодорожным узлом, россыпью очаровательных и причудливых магазинчиков, а также парой высококлассных отелей. Свободное от путешествий время – когда не работаю на мадам д’Ортолан или другого члена *l’Expédience*, – я провожу здесь: в дождливую погоду читаю книги из своей библиотеки, в ясные дни гуляю по холмам, а вечерами навещаюсь в отели и казино.

Когда я нахожусь, так сказать, в отъезде, перемещаясь между другими мирами и телами, моя здешняя жизнь не прерывается; одна из моих версий остается тут, продолжая обитать в моем теле, моем доме и выполняя все действия, сопряженные с существованием, хотя, по общему мнению, в остаточном обличье я веду себя до ужаса скучно. Если верить домработнице и еще нескольким людям, видевшим меня в этом состоянии, я никогда не покидаю дом, много сплю, кое-что ем, но сам не готовлю, одеваюсь кое-как и не проявляю ни малейшего интереса к музыке или беседам. Временами я беру с полки книгу, правда, в итоге часами пялюсь на одну и ту же страницу, то ли бесконечно ее перечитывая, то ли не читая вовсе. Художественные альбомы, картины и иллюстрации, похоже, занимают меня не больше всего остального – то есть весьма мало, как и телевизионные передачи, за исключением самых мельтешащих. Мои реплики становятся односложными. Довольнее всего я выгляжу, когда просто сижу на крытой веранде или смотрю в окно.

Со стороны кажется, будто я под воздействием наркотиков или успокоительного, а может, перенес инсульт или даже лоботомию. Замечу, впрочем, что встречал энное количество вполне нормальных людей, в основном студентов, ведущих еще более затворнический образ жизни.

Как бы то ни было, жаловаться мне не на что. Находясь вне себя, я не попадаю в неприятности (в смысле, не попадаю здесь), а мой скромный аппетит не позволяет мне растолстеть. Немыслимо, чтобы за собственной спиной я пошел на прогулку в горы и упал со скалы или в пух и прах проигрался в казино, или завел безрассудную интрижку.

Так или иначе, остальное время я всецело нахожусь здесь и, не распыляя внимание, веду полноценную жизнь в этом мире, этой реальности – на Земле, которую местные считают уникальной и называют Кальбефракией. Мое имя в этой реальности, для меня исходной, ключевой, ничуть не похоже на те, что я получаю во время транзиций. Здесь меня зовут Тэмуджин О. У этого имени восточноазиатские корни. На Земле, откуда я родом, Монгольская империя

повлияла на другие страны, особенно европейские, гораздо ощутимее, чем в мире, где вы читаете мои строки.

Я живу благонаправной, даже тихой жизнью, идеально подходящей человеку, постоянно скачущему между мирами, к тому же частенько – с прискорбной целью убивать других. Впрочем, занимаюсь я не только убийствами. Порой мне случается выступать ангелом-хранителем, доброй феей или же благородным разбойником – щедро одаривать бедняг, от которых отвернулась удача, предлагать им работу или подсказывать, у кого попросить помощи. Иногда я совершаю нечто крайне банальное – к примеру, ставлю кому-нибудь подножку, угощаю выпивкой.

Однажды я упал человеку под ноги, имитируя припадок. Это был один из немногих случаев, давших мне некоторое представление о том, чем я занимаюсь на самом деле. Молодой врач, спешивший на встречу, но задержавшийся, чтобы мне помочь, из-за этого не успел зайти в здание, которое внезапно рухнуло, исчезнув в облаке пыли, извести и щепок. Лежа в сточной канаве и глядя на происходящее, я притворился, что мне уже лучше, поблагодарил врача и попросил его поскорее помочь несчастным, которые пострадали из-за обрушения.

– Нет, это вам спасибо, – пробормотал он с абсолютно серым – и не только от пыли – лицом. – Похоже, ваш припадок спас мне жизнь.

Он растворился в прибывающей толпе, а я все сидел, рискуя попасть под ноги зевакам и тем, кто бросился на помощь раненым.

Понятия не имею, что именно молодой врач должен был сделать, совершить в будущем. Надеюсь, нечто хорошее.

Порой я знакомлю людей друг с другом, порой оставляю для них какую-то книгу или брошюру. Временами я просто с ними разговариваю – подбадриваю или обсуждаю конкретную идею. Такие поручения мне только в радость, хотя надолго в памяти не задерживаются. Уж точно не из-за них я просыпаюсь в холодном поту. Доброта, как правило, довольно невзрачна. Людей будоражит хаос.

Мои коллеги и руководители в основном предпочитают жить в крупных городах. Там большинство из нас ощущает себя как дома, там проще всего совершить транзицию из одной реальности в другую. Не хочу притворяться, будто понимаю теорию или механику – бесплотную, но все же механику, – лежащие в основе моих непостижимых путешествий, но кое-что об этих материях я все-таки знаю: частично услышал от других, а частично понял сам, на практике. Так, например, я догадался, почему должен был упасть в обморок перед тем молодым врачом.

Похоже, прыжки из одной реальности в другую или в черт-знает-какую требуют хорошего ощущения местности и какого-никакого уровня социальной интеграции. Поэтому большие города – это, несомненно, наилучший выбор.

Воздушные суда тоже подходят, хотя тут нужна сноровка. Полагаю, все дело в концентрации людей.

Потягивая джин-тоник, гляжу на проплывающие внизу облака. Тут и там виднеются вершины самых высоких гор в норвежском береговом хребте – словно зазубренные кубики льда плавают в молоке. Я лечу кратчайшим, по дуге большого круга²⁶ маршрутом из Лондона в Токио в огромном комфортабельном самолете, плывущем высоко над облаками по темному, густо-синему небу.

Я могу переместиться прямо здесь, в самолете. Только не знаю, получится ли. Это не просто – многие тратили препарат впустую в попытках транзитировать из малолюдных мест или особенно из движущейся отправной точки. По-видимому, если успешное перемещение невоз-

²⁶ *Большой круг* – круг, получаемый при сечении земного шара плоскостью, проходящей через его центр. Отрезки больших кругов часто используются при составлении маршрутов для воздушных судов. На плоской карте эти маршруты выглядят кривыми, дугообразными, однако на самом деле они короче маршрутов, которые соответствуют прямым отрезкам между теми же конечными точками.

можно, ничего не происходит вовсе. Человек остается там же, где и был. Поговаривают, однако, будто люди, пытавшиеся провернуть подобный трюк, все-таки попадали в другую реальность, но уже без транспортного средства, на котором передвигались в реальности исходной. Тот, кто стартовал с океанского лайнера, оказывался в открытом море и, плюхнувшись в воду, тонул или становился добычей акул, а тот, кто пробовал транзитировать с самолета вроде этого, материализовывался в двенадцати километрах над землей, где нечем дышать, температура – минус пятьдесят с лишним, и долгое падение впереди. Со мной ничего такого не происходило: я успешно перемещался с воздушного судна или, в случае провала, оставался, где и был.

Я достаю из нагрудного кармана маленькую бронзовую коробочку, кладу на откидной столик, верчу туда-сюда. Сплыть или не сплыть? Покинув самолет сейчас, я замету следы надежнее, чем на земле. В то же время, вдруг я потрачу таблетку зря? Или на собственном горьком опыте выясню, что слухи правдивы, и замерзший и задыхающийся буду долго падать в море или на сушу? Кроме того, вероятна ситуация, подтвержденная документально, когда человек оказывается в самолете, который движется совсем не туда, куда летел в исходном мире.

Обычно в мирах, более-менее относящихся к одной группе, континенты и основные географические объекты вроде горных цепей, рек и крупных городов – а значит, и воздушные маршруты между последними – расположены более или менее сходно. Поэтому, покинув один самолет, вы оказываетесь в его копии, следующей аналогичным рейсом. Но не всегда.

Судя по всему, существует предельно допустимый сдвиг во времени и пространстве, который мы совершаем в такой ситуации: пара километров вниз-вверх, несколько десятков – вбок, плюс-минус несколько часов – словно некий аспект нашей воли или воображения перемещает нас в точку, лучше всего соответствующую искомой. Однако порой эту призрачную силу заносит или она решает, что и так сойдет, хотя на самом деле нет.

Однажды я транзитировал над Альпами во время рейса из Дублина в Неаполь, а очутился на борту самолета Мадрид – Киев! Развернулся почти на девяносто градусов! Я потратил полтора дня на дополнительные перелеты и пропустил важную встречу. До сих пор ума не приложу, отчего так вышло. Когда я рассказал об этом маленьком приключении сотруднику Бюро транзиции – главного органа нашей конторы, где, по крайней мере в теории, наблюдают за действиями таких, как я или мадам д’Ортолан, – вышеозначенный бюрократ в очках без оправы только моргнул, буркнул «любопытно!» и поспешно что-то записал. Все!

Препарат, позволяющий нам перемещаться, называется «септус». Одни принимают его в жидком виде из крошечных флакончиков, напоминающих медицинские ампулы, другие свое лекарство для путешествий вдыхают или вводят под кожу. А кто-то выбирает анальные или вагинальные свечи. Поговаривают, что мадам д’Ортолан предпочитает последний вариант.

Я легонько стучу пальцем по одному из углов бронзовой коробочки, поворачиваю ее на четверть оборота, опять стучу, затем повторяю все снова.

Большинство из нас принимает септус в виде таблеток – так наименее хлопотно. Почти все остальные способы кажутся мне банальной показухой.

Внизу поблескивает кусочек моря. По серой, покрытой рябью поверхности, оставляя за собой перистый белый след, медленно скользит на север корабль – совсем крошечный из-за разделяющих нас километров. Представляю, как пассажир корабля глядит вверх и видит самолет – ярко-белую точку, выводящую собственную подпись в синеве.

Возможно, те, кто, по слухам, сгинул, на самом деле перенеслись на другие версии Земли, где так и не распалась Пангея, обезьяна не эволюционировала в человека, а господствующей цивилизацией стали мыслящие выдры или пчелиные семьи с коллективным разумом? Кто знает?

Перемещаясь, мы попадаем в место, которое представили, а если мы растеряны, сбиты с толку? Вдруг кто-то случайно вообразит нечто настолько непохожее на привычный мир и на желаемую точку назначения, что окажется в ловушке, не сможет представить себе путь

обратно? Мне сложно понять, каково это. Таких, как я, вероятно, выручает сильная тоска по дому. Кто знает...

Я неоднократно расспрашивал теоретиков, техников и руководящих чиновников Бюро транзиции о том, как все работает, но толкового ответа пока не получил. Мне ничего не объясняют, потому что незачем. Тем не менее я хочу знать. К примеру, когда меня отправили в Савойю спасти молодого врача от смерти в рухнувшем здании – разве это не говорит о своего рода предвидении? Нет ли у нас – я имею в виду, у «Надзора» – некой способности заглядывать в будущее? Или сопоставлять похожие, только немного разведенные по времени миры: наблюдать за опережающей реальностью, чтобы повлиять на события в той, что идет следом? Суть одна и та же.

Конечно, здание могло рухнуть случайно, в результате стечения обстоятельств. Однако я в это не верю. Такие совпадения – большая редкость.

Кстати, о случайностях. Одна из наших с миссис Малверхилл встреч, впервые за долгое время, произошла не где-нибудь, а в казино. Правда, понял я это не сразу.

Повторюсь, лучше всего для перемещений подходят крупные города; в нашей многомерной реальности это такие же транспортные узлы, как и в любом отдельно взятом мире. Главное представительство *l'Expédience* в мире, куда и в пределах которого я перемещаюсь чаще всего – отчасти по воле случая, а отчасти, возможно, из-за врожденной склонности, – находится в городе, который в зависимости от обстоятельств носит имя Византий, Константинополь, Константины или Стамбул. Расположенный на двух континентах, объединяющий восток и запад и пробуждающий прошлое во всем его многообразном наследии, он полностью созвучен нашим интересам и способностям. Подобных мест на этой мета-Земле я почти не встречал. Древний и современный, смешавший в одном котле народы, религии, события и убеждения, неуязвимый и вместе с тем покрытый трещинами раздоров, город этот воплощает традиции и риск, разобщенность и сплоченность одновременно. Другой наш офис находится в Иерусалиме.

Был и третий, в Берлине, но, как ни странно, после падения Стены и объединения Германии (одного из громких мета-событий, которое с тем или иным отставанием прокатилось по всем связанным реальностям, будто запущенная извне цепочка воспроизведений) этот город утратил свою привлекательность. В общем, берлинское представительство закрыли. Отчасти жаль: мне нравился старый Берлин, разделенный барьером. В дни былого величия он представлял собой обширное, просторное место с озерами и протяженными участками леса по обе стороны от стены, правда, и там и там смутно веяло безнадегой и тюрьмой.

Видели когда-нибудь, как жонглер крутит тарелку на шесте? Так вот, мы ищем вихляющие из стороны в сторону тарелки – места, где чувствуешь, что события вот-вот пойдут в том или ином направлении, где еще один оборот, вливание энергии могут вернуть системе устойчивость, а малейшая небрежность или легкий толчок – привести к катастрофе. Впрочем, из краха мы тоже извлекаем любопытные уроки. Иной раз, чтобы узнать о вещи все, нужно ее разбить.

В ходе обучения на должность транзитора (так официально называется наша профессия – согласен, довольно нескладно; я бы предпочел неформальное «путешественник», «транзиционист» или на худой конец «транзитёр») наступает момент, когда кандидат осознает, что открыл в себе или обрел дополнительное чувство. Это своеобразная способность увидеть историю места, разглядеть взаимосвязи, понять, как долго здесь проживают люди. Мы считываем все многообразие событий, привязанных к конкретному участку природы или скоплению домов и улиц. Мы улавливаем то, что называется «амбр».

Отчасти эта способность связана с чутьем на древнюю кровь. Места, уходящие корнями в глубокую старину, хранящие память о делах не то что столетней – тысячелетней давности, – обычно пропитаны кровью. Битвы и массовые расправы оставляют за собой особый шлейф, который держится веками. Острее всего я ощущаю его в римском Колизее.

Впрочем, амбр – это в основном наслоение опыта множества отживших поколений. Конечно, они не только жили, но и умирали, однако, поскольку в среднем люди живут десятки лет, а умирают лишь единожды, именно жизнь оказывает наибольшее воздействие на аромат, ощущение места.

Разумеется, у обеих Америк совершенно иной амбр, нежели у Европы и Азии. Менее затхлый или менее богатый – зависит от ваших убеждений.

Я слышал, что Новая Зеландия и Патагония кажутся до одури свежими по сравнению почти со всем остальным миром.

Лично мне по душе амбр Венеции. Нет, не запах – во всяком случае, не летом. Именно амбр.

Мне нравится приезжать в Венецию поездом, из Местре²⁷. Покинув вагон на вокзале Санта-Лючия, я иногда отключаю на время чувства и память и внушаю себе, будто приехал на обычную крупную железнодорожную станцию, каких в Италии множество. Пройдя между поездами-исполинами, миновав бруталистские интерьеры бездушно-меркантильной громады вокзала, ожидаю увидеть то же, что и всегда: оживленную улицу, суетливую вереницу легко-вухек, грузовиков и автобусов, в лучшем случае – пешеходную пьяццу²⁸ и рядок такси.

А вместо этого за лестничным пролетом и спинами людей – Гранд-канал! Искрится светло-зеленая, подернутая рябью вода; вапоретто²⁹; катера, водные такси и рабочие лодки оставляют за собой пенные следы; блики света играют на волнах, пляшут на фасадах церквей и палаццо; шпили, купола и раструбы дымовых труб ввинчиваются в кобальтовую синь. Или в молочно-белые облака, которые, отражаясь в безмятежных водах, придают им пастельную окраску. Или в темную вуаль грозовой тучи, зависшей над каналом, гладким и покорным под натиском ливня.

Впервые я посетил Венецию во время февральского карнавала. Город встретил меня дымкой, туманом и тишиной. А еще – прохладой, которая стелилась у воды, словно обещание. Меня тогда звали Марк Кейвен. Я знал китайский, английский, хинди, испанский, арабский, русский и французский. Берлинская стена уже канула в прошлое, хотя по большей части еще стояла.

Это был ваш мир.

Чуть дальше вдоль Гранд-канала, на его западном берегу, стоит монументальное палаццо почти кубической формы. Его стены льдисто-белые, а ставни на многочисленных окнах – матово-черные. В этом строгом симметричном здании – Палаццо Кирецция – когда-то жил левантийский принц, затем – кардинал римско-католической церкви, а еще полтора века там находился небезызвестный бордель.

Тогда (как, впрочем, и теперь) здание принадлежало профессору Лочелле, который знал о существовании «Надзора» и поддерживал наше дело. Тогда он охотно спонсировал нас и делился связями, получая от нас столь же много взамен. Позже он весьма преуспел, став членом Центрального совета, однако двадцать лет назад, тем зябким февральским утром, его чаяния еще не сбылись.

Меня пригласили в город – и заодно на карнавал – в благодарность за мою работу, которая последнее время отнимала много сил, даже изматывала. Больше никто из транзиторов не приехал, хотя я встретил целую свору надзоровских чинуш. Все до единого были со мною подчеркнуто вежливы. Несмотря на изрядное количество крови, замазавшее мои руки уже тогда,

²⁷ Местре – бывший город, через который исторически осуществлялась связь островов [Венецианской лагуны](#) с материковой частью области Венето. Современный Местре – один из самых населенных районов города Венеция.

²⁸ Пьяцца (ит. *piazza* – «площадь») – площадь в итальянских городах.

²⁹ Вапоретто – речной трамвай, основной вид общественного транспорта в островной части Венеции.

я еще не свыкся с тем, что люди, знающие о моей специальности, смущаются меня или даже боятся.

Профессор Лочелле – мужчина невысокий, если не сказать тщедушный – всегда держался с таким достоинством, что о росте никто не вспоминал. Люди вроде него обычно кажутся выше, когда вокруг мало народу. Очутившись с ним тет-а-тет, вы поклялись бы, что профессор одного с вами роста; в небольшой компании он как будто съеживался, а в толпе – полностью исчезал. В то время он уже начал лысеть, теряя тонкие каштановые волосы, словно налипшие на скалу водоросли, которые уносит отлив. У Лочелле были выступающие вперед зубы, превосходный крючковатый нос и глаза морозной синевы. Его смешливая жена – статная блондинка из Калабрии с широким, добродушным лицом – значительно над ним возвышалась. Это она – Гиацинта – обучила меня танцам, которые требовалось исполнять на балах. К счастью, учусь я быстро, да и двигаюсь неплохо.

Во дворце имелся банкетный зал, где в рамках карнавала проводили бал-маскарад, один из крупнейших в том году. Бал состоялся на следующий день после моего приезда. Само собой, меня заворожали как великолепные маски и костюмы, так и пышный декор помещения – симфония старинного лакированного дерева, гладкого мрамора и зеркал в вычурных позолоченных рамах. Мягко лучились свечи, привнося в воздух дымный, ладанный аромат. Он смешивался с запахом всевозможных духов, сигарет и сигар. Мужчины вышагивали, будто павлины; женщины в ослепительных платьях кружились и сверкали. Небольшой оркестр в старинных одеяниях наполнял пространство музыкой. Сверху на происходящее взирали три исполинские люстры из красного стекла – своими закрученными абстрактными очертаниями они походили на блестящие всплески крови, застывшие при вращении в невидимой воронке, а теперь низведенные до обычных безделиц с ненужными, погасшими лампочками, отражающими огни свечей.

Восхищенный, с бокалом токайского в руке, я вышел на маленькую террасу, окруженную балюстрадой из белых мраморных столбиков в форме капель. Небольшая группа гостей молча наблюдала, как в пятнах света от редко проплывающих лодок и зданий на другом берегу канала падает снег. Хаотично кружась, снежинки возникали из тьмы у нас над головами, словно рожденные огнями палаццо, и тихо исчезали в нефтяной черноте мягко колышущихся вод.

На следующее утро я спозаранку вышел в холодную, обступающую со всех сторон белизну и прогулялся нехоженым маршрутом по району Дорсодуро. Облачка моих выдохов уплывали в темные узкие пространства впереди. Я бродил по древним, сокровенным камням, дышал студеным, отдающим солью воздухом и вбирал в себя амбр этой реальности. Он, конечно, состоял из тех же компонентов, что и амбры всех других миров, однако главенствующие ноты говорили о жестокости, по-своему притягательной, и вопиющей продажности – безмерно сладкий аромат упадка и разврата. Здесь, в непрерывно тонущем городе, с пленительно-свирепым духом, что просачивался мне в мозг, будто морской туман – в комнату, эти жестокость и продажность казались отжившими, но притаившимися, подобно поставленной на паузу записи.

Снег еще несколько дней пролежал под безбрежными, как море, небесами, добавляя пейзажу строгости, вытягивая цвет из воды, зданий и проплывавших облаков, погружая этот город вздорных красок, город Каналетто³⁰, в чарующий монохром.

На заключительный бал, который проходил в роскошном зале Дворца дождей, существовавшем уже пять сотен лет, съехались две тысячи магнатов, предпринимателей, послов, руководителей и сановников. Воздушное течение, зародившееся в Африке, надвинулось на итальянский каблук и Адриатику, вызвав таяние снега и туман, а потом замедлилось, столк-

³⁰ *Каналетто* (Джованни Антонио Каналь) (1697–1768) – итальянский живописец, график и гравер. Наиболее известные его произведения посвящены Венеции и выполнены в жанре ведуты – детально прорисованного городского пейзажа.

нувшись с ветрами северных гор. В результате город почти полностью утонул в дымке, закутавшись в покрывала и плащи из капель.

В тот день я и повстречал свою Леди-в-маске.

Я нарядился средневековым православным священником, маску надел зеркальную. Немного потанцевав, я подсел за столик к Лочелле, где поучаствовал в нескольких слегка натянутых беседах с другими гостями и самим профессором, который проявлял такой сильный интерес к подробностям моей работы, что честные ответы не довели бы до добра нас обоих. Мне приглянулась одна из приглашенных – красивая высокая брюнетка, состоявшая в дальнем родстве с Лочелле и никак не связанная с «Надзором». Ее гибкое тело весьма зазывно смотрелось в наряде эпохи Возрождения. Увы, ее вниманием надолго завладел щеголеватый кавалер, и я отложил свои надежды на потом.

Решив немного отдохнуть от угощений, спиртного, танцев и разговоров, я отправился исследовать дворец. Одни комнаты я осмотрел, в другие меня не пустили, и, наконец, я вернулся в огромный Зал Большого совета, где цветастым вихрем кружились танцующие. Мое внимание привлек фриз с портретами дожей: одного то ли покрасили, то ли прикрыли черной тканью. Традиция, связанная с венецианскими маскарадами? Или с этим конкретным балом?

– Его звали Марино Фальеро, – произнес незнакомый женский голос по-английски, с легким акцентом.

Обернувшись, я увидел даму в костюме пиратского капитана. Почти моего роста – благодаря сапогам на высоких каблуках. Камзол она по-гусарски накинула на одно плечо. Остальные детали наряда казались разношерстными, подобранными на скорую руку: мешковатые бриджи с латунными пуговицами, вычурная, в рюшах, блуза, жилет с полураспущенной шнуровкой, больше похожий на корсет, трехцветный кушак, а на бледной тонкой шее – бусы, всевозможные цепочки и что-то вроде медной пластины-полумесяца. На ее черной бархатной маске, будто морось, спиралями расположились жемчужинки. Сочные губы весело улыбались. Из-под синей, лихо заломленной шляпы, увенчанной пучком аляповатых перьев, выбивались черные локоны.

– Любопытно. Расскажите поподробнее? – попросил я, глядя на темную прореху в череде портретов.

– Он пробыл дожем около года в середине четырнадцатого века, – сообщила незнакомка; ее голос звучал молодо, уверенно, мелодично. – Его обрекли на вечный позор, заменив портрет черным свитком. Фальеро пытался совершить переворот, чтобы свергнуть республику и провозгласить себя принцем.

– Он ведь и так был правителем, – удивился я.

Пиратка пожала плечами.

– Принцы и короли обладали большей властью. Дожей ведь выбирали. Пожизненно, но с уймой ограничений. Им не позволялось вскрывать официальную почту. Сперва письма читал цензор. Дожам также запрещалось беседовать с иностранными дипломатами без свидетелей. Какое-то влияние у дожей имелось, однако во многом они походили на марионеток.

Девушка взмахнула рукой. Блеснули серебром кольца, надетые поверх черной кожаной перчатки. Ее сабля – или пустые ножны? – качнулась у бедра.

– Я думал, портрет спрятали только на время бала.

Она помотала головой.

– Нет, навсегда. Фальеро был приговорен к *Damnatio Memoriae*³¹. Разумеется, ему еще и голову отрубили, а тело изувечили.

³¹ *Damnatio Memoriae* (лат. «проклятие памяти») – особое посмертное наказание, применявшееся в Древнем Риме, а затем и в других странах к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров, запятнавшим себя императорам. Любые свидетельства о существовании преступника – статуи, надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем.

– Разумеется, – мрачно повторил я.
– Республика всерьез принимала такие угрозы в свой адрес, – уже холоднее пояснила пиратка.

Интересно, она из местных?

Улыбнувшись, я изобразил легкий поклон.

– Похоже, вы прекрасно разбираетесь в предмете, мэм.

– Едва ли. Просто интересуюсь.

– Спасибо вам за то, что и меня просветили.

– Не за что.

– Не хотите ли потанцевать? – кивнул я в сторону людской кутерьмы.

Она приподняла подбородок, словно оценивая мой внешний вид, а затем немного старательнее, чем я, отвесила поклон.

– Почему бы и нет?

И мы закружились в танце. Она двигалась с кошачьим изяществом. Я же нещадно вспотел под маской и тяжелыми одеждами, осознав, насколько мудрым решением было проводить подобные балы зимой.

Мы разговаривали под музыку; танец задавал ритм беседы.

– Могу я полюбопытствовать, как вас зовут?

– Можете. – Ничего не прибавив, она улыбнулась краешком губ.

– Прекрасно. И как же вас зовут?

Она качнула головой.

– Спрашивать имя на маскараде не очень-то тактично.

– Почему?

– Разве вы не чувствуете, как духи покойных дождей взирают на нас сверху, призывая к молчанию?

Я пожал плечами.

– Боюсь, что нет. Меня, во всяком случае, они не донимают.

Похоже, эти слова позабавили мою спутницу. Ее мягкие губы разомкнулись в улыбке, а затем произнесли:

– *Alora*³²...

На миг я подумал, что она все-таки представилась, но, конечно, это было всего лишь итальянское слово, по смыслу схожее с французским *alors*. Ее акцент я распознать не смог.

– Возможно, к именам мы вернемся позже, – продолжила незнакомка, кружась вместе со мной. – А на любой другой вопрос я охотно вам отвечу.

– Тогда спрашивайте первая. Дамы – вперед.

– Хорошо. Чем вы занимаетесь по жизни, сэр?

– Путешествую. А вы?

– Я тоже.

– В самом деле? И далеко вам доводилось бывать?

– Весьма. А вам?

– Дальше, наверное, некуда, – признался я.

– Вы путешествуете с какой-то целью?

– Да. Целей у меня много. А что насчет вас?

– У меня одна-единственная цель.

– Какая же?

– Угадайте.

– Разве тут угадаешь?

³² Что ж... (ит.)

- Попробуйте.
- Дайте подумать... Вы путешествуете для удовольствия?
- Нет, – усмехнулась она. – Это так примитивно.
- Искать удовольствий – примитивно?
- Да, крайне.
- У меня есть знакомые, которые с вами не согласятся.
- У меня тоже, – сказала она. – Могу я узнать, что вас так позабавило?
- Ваш тон. Похоже, вы этих знакомых презираете?
- Они так примитивны, – фыркнула девушка. – И это еще раз доказывает мою правоту,

согласитесь.

- Ну, что-то определенно доказывает.
- Опять эта ухмылка.
- Увы, вам видно только мой рот.
- Полагаете, это все, что достойно моего внимания?
- Нет, надеюсь.

Она склонила голову набок и строго спросила:

- Вы со мной флиртуете, сэр?
- Во всяком случае, пытаюсь, – усмехнулся я. – Получается?

Она задумчиво поглядела в ответ и медленно повела головой справа налево, словно кивнув в горизонтальной плоскости.

- Пока еще рано судить.

Позже – музыка эхом звучала на лестницах, в залах и коридорах – мы задержались возле огромной, во всю стену, карты мира. Она показалась мне довольно точной, а значит, сравнительно новой, хотя в силу обстоятельств эксперт из меня тот еще. Мы со спутницей подошли ближе, стараясь отдышаться после танцев. Мы оставались в масках, и я по-прежнему не знал ее имени.

– Вы все тут находите верным и современным, сэр? – поинтересовалась она, пока я разглядывал континенты и города.

- Боюсь, здесь я тоже некомпетентен, – признался я. – География не мой конек.

– Но ведь что-то вас в этой карте не устраивает? – продолжила она, слегка понизив голос. – Быть может, ее ограниченность?

- Ограниченность? – переспросил я.
- Здесь один-единственный мир, – спокойно пояснила девушка.

Я изумленно уставился на нее, а она вновь сделала вид, что интересуется картой. Вернув самообладание, я рассмеялся и махнул рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.